

С. И. ГРОВ

Золотое Снадобье

*Одна из лучших книг 2014 года
по версии сайта «Amazon»*

Annotation

На дворе – лето 1892 года. Годом раньше София и ее друг Тео отправились в путешествие, которому суждено было переписать карту мира. Но родителей своих девочка так и не обнаружила. И вот после бесполезных поисков в архивах и библиотеках хоть какой-нибудь ниточки к тайне исчезновения отца и матери София приходит к выводу: ключ к ее поискам хранит чужая эпоха. Неожиданно она получает анонимное приглашение в секретный архив секты нигилизмийцев, где узнает о дневнике, который вела ее мать. Дневник находится далеко, в Гранаде, но не той Гранаде, которая указана на географических картах, а в Гранаде, лежащей в другой эпохе, получившей название Темной. И София тайно отправляется на поиски дневника...

Книга С. И. Гроув «Золотое снадобье» – долгожданное продолжение «Стеклянной карты», одной из самых покупаемых книг интернет-магазина «Amazon» в год, когда она вышла в свет.

Автор перевода романа – Мария Семёнова, создательница знаменитого сериала о Волкодаве и других известнейших книг в историко-фэнтезийном жанре.

С. И. Гроув

Золотое снадобье

S. E. Grove

THE GOLDEN SPECIFIC

Copyright © 2015 by S. E. Grove

Maps by Dave A. Stevenson

All rights reserved

Перевод с английского Марии Семёновой

© М. Семёнова, перевод, 2016

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Элтону

Нам нелегко в полной мере осознать притягательность и значение желтого металла для конкистадоров. Мы с готовностью подмечаем тонкую иронию Эрнана Кортеса, так объяснявшего мексиканскому вождю: испанцы, мол, страдают особым заболеванием сердца, от которого единственным снадобьем является золото. Тем не менее в этой тонкой ироничности, как и почти во всех своих качествах, Кортес весьма нетипичен.

Инга Клендиннен. Противоречивые завоевания: испанцы и майя на Юкатане, 1517–1570

КАРТА НОВОГО МИРА, включающая НЕИЗУЧЕННЫЕ ЗЕМЛИ

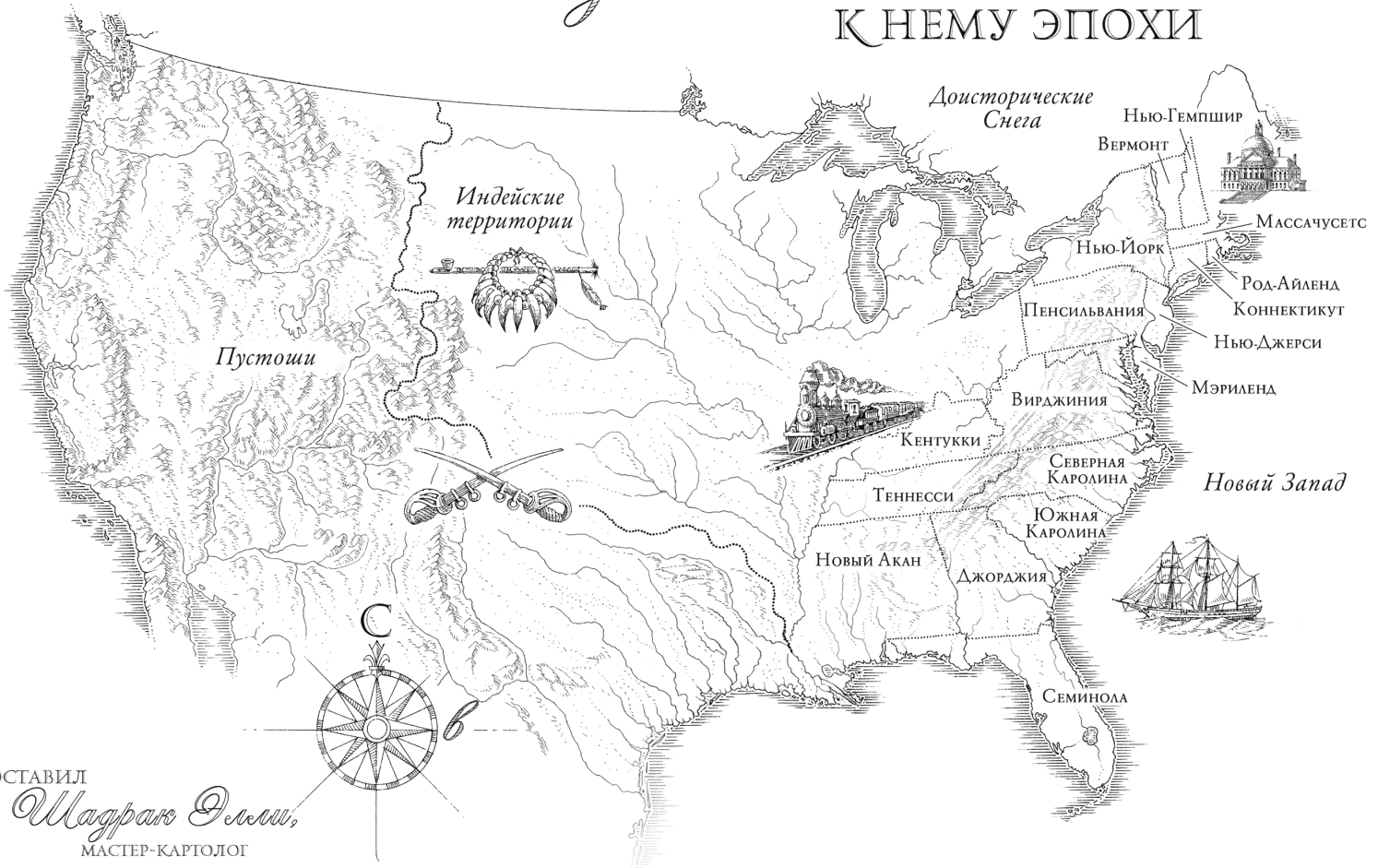
СОСТАВИЛ

Шадрок Э.м.

МАСТЕР-КАРТОЛОГ

Новый Запад

и ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ ЭПОХИ

СОСТАВИЛ

Мадраг Э.М.
МАСТЕР-КАРТОЛОГ

В Бостоне еще длился 1799 год, однако в других местах история пошла иными путями. Севернее простерлись доисторические снега. За океаном лежали портовые города Средневековья. На юге образовалась сущая мозаика всевозможных прошлых и будущих. А еще дальше – кто может с уверенностью сказать? Мир изменился решительно и внезапно. Деятели самых разных наук изучали эту проблему, но не находили ответа. Слишком многое оставалось неизвестным. Слишком многое в обновленном мире вообще не поддавалось истолкованию.

А если принять во внимание, что никто не мог с уверенностью сказать, было ли Великое Разделение вызвано человеческой деятельностью – и если было, то в каком историческом веке.

Шадрак Элли. История Нового мира

4 сентября 1891 года

Дорогой Шадрак!

Ты спрашиваешь, не выяснил ли я чего нового о Вещих. Сообщаю, что в пределах Индейских территорий о них никто последнее время не слышал. Равно как и не видел вот уже более пяти лет.

Тем не менее слухи отнюдь не беспочвенны. Когда три года тому назад мне понадобился целитель, я проделал немалый путь, пустившись на поиски. Все началось с мальчишки, застрявшего под землей в шахте. Несколько дней его вопли отдавались в вертикальном стволе, вгоняя в ужас всех, кто к нему приближался. Он так горько жаловался на судьбу, что слышавшие впадали в отчаяние, соответственно все попытки спасти паренька терпели неудачу. В конце концов обратились ко мне. Вчетвером мы укрепились духом и отправились к шахтам, надеясь вытащить пострадавшего. Мы обнаружили его в мрачнейшей из бездн; несчастный тщетно царапал пальцами стены. Он, не противясь, отправился с нами наверх, всхлипывая по пути. И, лишь вытащив его на свет дня, мы увидели, что у парня не было лица.

Существа, прозванные здесь плаксами, – лакримы Пустошей, – редко посещают Территории. Я сам не очень-то верил в их существование, пока не встретился лично. После этого отпали все сомнения. Служебные обязанности потребовали от меня спасти дитя, провалившееся в подземелье; теперь, когда я увидел его состояние, долг сострадания отправил меня на поиски исцеления. Итак, я оставил своих помощников хозяйствовать в Соленом, сам же повез лакриму на север, к Жуткому морю, надеясь разыскать там Вещих и их легендарных целителей.

Поездка продлилась гораздо дольше намеченного. Кроме того, присутствие мальчика, при всей моей к нему жалости, постоянно ввергало меня в отчаяние, и это едва не довело до беды. Лишь чистая удача свела нас на берегу моря с Вещей – женщиной, направлявшейся на восток.

Она тотчас поняла, зачем я приехал.

«Далеко ли он пропутешествовал с тех пор, как утратил лицо?» – спросила она.

Я ничего не смог ей об этом рассказать. Она изучила его ладони, что-то для себя уясняя.

«Попытаемся», – сказала она затем. И без промедления согласилась отвести нас к ближайшему тучегонителю, – так они называют Вещих, более других одаренных способностями к исцелению.

Спустя десять дней мы прибыли к месту, которое я с тех пор пытался найти, но не мог. Странный такой уголок, где ветер, налетающий с холодного моря, заставляет сосны перешептываться похоронными голосами... Тучегонитель обитал в избушке под дерновой крышей. Мы вышли к его жилью в сумерках; при нашем появлении птицы улетели в чащу, укрылись за деревьями олени, белки и кролики. Когда утих посвист крыльев и шорох лап, тревоживших опающую хвою, воцарилась полнейшая тишина.

Тучегонитель оказался на удивление молод. Я так и не узнал его имени. Он стоял возле

избушки, очевидно предупрежденный о нашем прибытии. На меня он даже не посмотрел – сразу взял плаксу за руку и повел к древесному пню, на срезе отполированному до блеска. Здесь он приложил руки к лишенному черт лицу плаксы, словно прикрывая от холода. Потом сам закрыл глаза, и я прямо-таки почувствовал поток мыслей и намерений от него к нашему мальчику. Плакса крепче прильнул к его ладоням, словно принимая благословение.

Я ощутил перемену прежде, нежели она стала видимой. Даже лес кругом словно замер: деревья, камни и облака в небе как будто оставили все дела и застыли, наблюдая за происходившим. Серые угрюмые сумерки озарились ясным и чистым серебряным светом. Я мог разглядеть повисшие в воздухе пылинки, замершие подобно созвездиям небесных сфер. Каждая иголка на ближней сосне сверкала, будто серебряный меч. Древесные стволы оделись в прихотливые узоры из черного металла. Все кругом обрело удивительную, поистине хрустальную четкость. Я ощутил, как улетучивается и без следа пропадает тягостное уныние, ставшее уже привычным... Чистый лесной воздух ни дать ни взять распространился из легких по всему моему телу, подарив ему деятельную, чудесную радость. Право же, никогда раньше я не чувствовал себя настолько живым!

Глаз я не закрывал, но моим вниманием завладел как бы обновленный мир, окружавший меня. Когда я вновь посмотрел на тучегонителя, он уже отстранился от плаксы. Мальчик стоял перед ним целый и невредимый. У него заново проявилось лицо. И оно отражало величайшее изумление.

С тех пор я не единожды размышлял, что же на самом деле случилось тогда в лесу. И пришел к выводу, что ясность и чистота, дарованные в те мгновения моему восприятию, имели прямое отношение к силам, преобразившим лакриму. Ибо у всех нас чувства отчасти притуплены: у одних в большей степени, у других в меньшей. Всех нас подавляет груз накопленного горя. Наличие лица, у меня например, просто скрывает постепенное отмирание качеств, долженствующих одушевлять человеческое существо... Если подумать – все мы в какой-то мере безлики!

...Итак, ты спрашиваешь, знаком ли я с Вещими. Отвечаю: едва. Мы ушли из тех сосновых лесов и увели с собой мальчика. Я обменялся едва ли двумя десятками слов с нашей проводницей, а с тучегонителем – и того меньше.

Ты спрашиваешь также, могу ли я вновь отыскать этих людей. Увы, не могу. Как я уже упоминал, я пытался заново обнаружить то место, но оно словно исчезло.

А вот на вопрос, верны ли слухи о целительских способностях Вещих, отвечаю со всей определенностью: правда святая! И еще добавляю: тот, кто в силах вылечить лакриму, несомненно способен изгонять хвори, против которых мы безуспешно боремся с помощью микстур и таблеток.

Твой Адлер Фокс, шериф города Солёный, Индейские территории

Большинство жителей Нового Запада поклоняются Судьбам. По мнению верующих, эти всемогущие божества вплетают прошлое и будущее каждого живого существа в величественный ковер бытия. Несколько меньшее поклонение присуще Истинному Кресту, наиболее чтимому в Пустошах. Остальная часть населения принадлежит к разного рода учениям, зачастую невразумительным. Крупнейшей среди этих сект является нигилизм.

Шадрак Элли. История Нового Запада

31 мая 1892 года, 9 часов 07 минут

Утром тридцать первого мая София Тимс стояла на Маячной улице и разглядывала сквозь разрыв в железном заборе каменное строение. Подъездную дорожку к парадному крыльцу особняка окаймляли можжевельники, темные и неподвижные. Здание издали выглядело холодным и даже зловещим. Сплошь гладкие стены, задернутые занавесками окна... София глубоко вдохнула, выдохнула и вновь посмотрела на табличку возле ворот. Вот что она гласила:

**Нигилизмийский архив
Бостонское отделение**

Уже в сотый раз за утро София спрашивала себя, не совершает ли ошибку. Сунув руку в карман юбки, она нащупала два талисмана, неизменно ее сопровождавшие. Карманные часы и катушку серебряной нити. Нащупала и стиснула в кулаке, словно они должны были внушить ей побольше уверенности.

Записка, из-за которой она стояла перед воротами архива, прибыла несколькими днями ранее. София вернулась после очередного безрезультатного посещения бостонской Публичной библиотеки и обнаружила на кухонном столе конверт, оставленный для нее миссис Клэй, экономкой. Почерк на конверте показался незнакомым, обратный адрес отсутствовал. София вскрыла письмо. Внутри лежал буклет. На обложке красовалась сидящая горгулья с завязанными глазами, а название повторяло надпись на табличке возле ворот:

Нигилизмийский архив:
Бостонское отделение

Внутри буклета красовались две длинные колонки текста, объяснявшие предназначение архива.

Мир, который вы видите вокруг себя, есть фальшь. Настоящий мир, Истинная эпоха, был утрачен в 1799 году во время Великого Разделения. Архивисты и хранители, работающие в нигилизмийском архиве, посвятили свои жизни розыску и собиранию документальных свидетельств мира, который мы потеряли, – его Истинной эпохи. Обладая широчайшей коллекцией, имеющей отношение как к Истинной эпохе, так и к Апокрифической, в которую мы все живем, наш архив положил своей целью определить, сколь сильно мы удалились от истинного пути.

Далее буклет не без гордости сообщал о сорока восьми комнатах, полных архивными документами, имеющими отношение ко всем уголкам известного мира. Газеты, личные письма, рукописи, редкие книги... что угодно другое, заслуживающее названия печатного текста. Кончалась книжица короткой, но значительной фразой:

К изучению архива допускаются исключительно нигилизмийцы.

А на задней странице красовалась приписка той же рукой, что написала адрес на конверте.

София, если ты еще разыскиваешь свою мать, ты найдешь ее здесь.

Появись буклетик несколькими месяцами ранее, София бы с содроганием выкинула его, едва глянув на содержимое. Она была неплохо знакома с нигилизмийцами, имела представление о яростной силе их убеждений и знала, насколько опасными делала своих приверженцев нигилизмийская вера. Время от времени София в ужасе просыпалась по ночам, стряхивая кошмар: ей снилось, будто она бежит по крышам вагонов, а поезд все набирает ход... И конечно, в этих снах ноги словно свинцом наливались, а за нею гнался нигилизмиец и бросал блестящий абордажный крюк, метя ей прямо в сердце...

Однако за минувший год многое успело измениться.

София очень хорошо помнила тот декабрьский день – и как она бежала вниз по лестнице к тайной комнате с картами в доме тридцать четыре по улице Ист-Эндинг, сжимая в руке ключевую улику давнего исчезновения родителей. Ее дядя Шадрак сидел за столом с обтянутой кожей столешницей, а подле дяди – его лучший друг, знаменитый исследователь Майлз Каунтримен. С ними был и Теодор Константин Теккари, больше известный как Тео – парень из Пустошей, успевший стать членом их маленького семейства.

Трое молча слушали, как София голосом, прерывающимся от волнения, зачитывала письмо отца...

Он написал его восемь лет назад, сообщая Софии, что стезя их с мамой путешествия сделала неожиданный поворот. Решив не отмахиваться от едва уловимых путевых знаков, они направились в Авзентинию...

Майлз аж взвыл от восторга, принялся хлопать хохочущего Тео по спине и тут же начал строить планы к немедленному отправлению. Шадрак тоже слушал с восторгом. Но когда он перечитал письмо, а потом еще и еще раз, восторг уступил место недоумению.

– Никогда не слышал ни об этой Авзентинии, ни об этих знаках, – проговорил он озадаченно. – Впрочем, какая разница! Уж кто-нибудь нам да подскажет!

Однако дни сменились нескончаемыми неделями, и стало до боли в глазах ясно: подсказки ждать неоткуда. Шадрак Элли, великий картолог, известный всему Новому Западу, человек, способный создать и прочесть карту любого вида, известного образованному человечеству, – Шадрак написал едва ли не каждому исследователю, картологу, библиотекарю, с кем был хотя бы как-то знаком... и еще многим и многим, с кем знаком не был. Увы, такого названия никто не встречал ни в устном виде, ни в письменном.

Одна София не теряла надежды. Она нерушимо верила в то, что, поколе она изучает картологию, Судьбы в их неизреченной мудрости только и ждут, как бы повести ее вперед за путеводным клубочком открытий. Зря ли божественное водительство прежде всегда наставляло ее на истинный путь? Не затем же, чтобы теперь подвести?

И конечно же, возможные зацепки время от времени возникали. Шадрак отправлял по следу Майлза или иного друга-исследователя... Раз за разом ниточка истончалась, чтобы окончиться в тупике. Тянулись месяцы, список неудач рос себе и рос... Неизменным оставалась лишь убежденность Софии: вот сейчас появится еще одна улика, самая неоспоримая, не чета всем прежним... и они наконец-то поймут, куда занесло Минну и Бронсона!

А потом, к исходу зимы, избрали нового премьер-министра. И он предложил Шадрому место в правительстве, а именно – пост министра сношений с внешними эпохами. Премьер Блай был давним, испытанным другом. Шадрак не смог ему отказать и вскоре сменил на посту их общего друга, Карлтона Хопиша. Тот все еще отлеживался в городском госпитале Бостона; жестокое нападение искалечило его телесно и лишило рассудка. Увы, время шло, но ни малейших признаков улучшения не наблюдалось...

Работа в министерстве отнимала все время Шадромы. Он уходил из дома с рассветом, возвращался поздновато даже для ужина. София все равно каждый вечер дожидалась его, торопясь поведать об открытиях минувшего дня... К сожалению, дядя-министр так уставал, что не мог сосредоточиться – слушал рассеянно, взгляд останавливался, глаза стекленели... Однажды за поздним ужином София выскочила из-за стола за блокнотом, когда же вернулась – Шадрак крепко спал, поникнув головой на кухонный стол. Стоит ли удивляться, что мало-помалу Шадрак прекратил свои разыскания. Сошли на нет и уроки картологии, которые София с замиранием сердца ждала каждый вечер.

Зима тянулась бесконечно. Шадрому было хронически некогда, София постепенно впала в мрачную тоску. Майлз уехал исследовать очередную символическую подсказку и забрал с собой Тео. София день за днем проникалась все более жутким ощущением одиночества. Она пыталась самостоятельно изучать картологию, но по большей части без толку. После школы часами просиживала в бостонской Публичке, вчитывалась во все подряд книги, более-менее относившиеся к избранной теме. Дома же буквально жила в хранилище карт, но дядино собрание земных начертаний подсовывало ей больше загадок, чем ответов.

Когда в воздухе наконец повеяло весной, надежды Софии почти истаяли. Зато она совсем лишилась сна, из-за чего стала забывчивой и неуверенной. Бывало, она открывала заветную тетрадку, чтобы изложить события дня, – и на страницу щедро капали слезы. Они расплывались, превращая аккуратные строчки в бесформенные серые облака, рисунки смазывались, покрывались пятнами... И это притом что внятной причины для слез вроде и не было.

...Тогда-то Судьбы и ниспослали ей знак! Все началось в сумерках. Она сидела у окна своей спальни, высматривая на улице Шадрака, и заметила у ворот неясную фигуру. Некто маялся в нерешительности, то делая шаг по улице прочь, то возвращаясь к воротам. Камни мостовой блестели от недавнего ливня, по земле вился легкий туман, окружавший уличные фонари облаками мутного света...

Фигура была женская и казалась смутно знакомой. Наверное, соседка, подумалось Софии, но которая? Женщина прижала ладонь к сердцу, потом обратила ее в сторону окошка Софии: несомненный жест любви и приязни.

Девочку как ударило! Она замерла, пристально вглядываясь. Потом пулей вылетела из комнаты, бросилась вниз по ступенькам, через кухню – на улицу. Женский силуэт все колебался в воздухе, плавая у ворот. София тихонько шагнула к ней, едва отваживаясь дышать...

– Мама?... – прошептала она.

Но фигура рассеялась...

А на следующий вечер появилась опять. За минувшие сутки София успела наполовину убедить себя, что это шутило ее разгулявшееся воображение вкупе с отчаянием и усталостью. Тем не менее она напряженно ждала, уткнувшись в окно. Когда робкий силуэт Минны вновь вырос возле ворот, у Софии задрожали коленки. Вскочив, она бросилась из дому.

В этот раз тень Минны помедлила исчезать. Вот она сделала шаг назад, потом еще, отступая на улицу. София открыла калитку и устремилась за ней, вслух умоляя:

– Постой! Пожалуйста, не уходи!..

Минна остановилась. София приблизилась к ней. Собственные шаги казались ей неестественно гулкими в уличной тишине. Лицо матери было бесплотным и бледным, но вполне различимым и узнаваемым в сумеречном свете. Было, однако, в ее облике нечто странное... Что именно, София сперва понять не могла, но, подойдя, разглядела: силуэт казался бумажным. А в остальном – точное подобие Минны Тимс, вдобавок ожившее. Она горестно протянула руку навстречу Софии... а потом заговорила:

– Затеряны, но не утрачены... отсутствуем, но не исчезли... незримы, но подаем голос... Разыщи нас, пока мы еще дышим!

Последние слова, кажется, несли в себе всю суть таинственного послания, ибо прозвучали уже после того, как Минна снова исчезла.

Софии, впрочем, было не до тонкостей. Впервые за много месяцев ей показалось, будто она полной грудью вдохнула свежего воздуха. Она словно тонула, но слова, достигшие сквозь вечерние сумерки ее слуха, вытянули Софию на поверхность. Да, она по-прежнему барахталась в глубокой черной воде, но теперь могла хотя бы дышать! Отнимающая волю печаль, гнувшая ее долгую зиму, по крайней мере, сделалась видима. До берега черных вод еще плыть и плыть, но София узрела берег!

Чудесные явления продолжились и на следующий день – в виде буклета нигилизмийцев. Вновь и вновь перечитывая сделанную вручную приписку, София говорила себе, что,

пожалуй, Судьбы не могли выразить свою волю яснее!

Шадраку рассказывать о своих видениях Минны и о нигилизмийском конверте София не стала.

Есть вещи, чье колдовское очарование, чьи таинственные посулы сохраняются, пока остаются неразглашенными... София прекрасно отдавала себе отчет, насколько невероятно явление туманной фигуры возле ворот. Стоило представить, как она рассказывает Шадраку – и все, ощущение присутствия Минны рассеивалось. Как рассказать о чуде, как передать всю мощь шепота, произнесшего несколько слов?.. Трудно было даже мысленно отдавать пережитое на суд трезвого рассудка, ибо тревожащие вопросы тотчас налетали роем. «Что это вообще было? Она настоящая или нет? С какой бы стати мне ее видеть и слышать? Что может означать ее появление?..» София решительно отмахивалась от таких мыслей. Даже не пыталась пристально, в мелочах, вспоминать силуэт у ворот. Лишь приняла несколько простых истин, казавшихся неоспоримыми. Мама просила ее о помощи. Судьбы посылали ей знамение. Точка!

Шадрак, между прочим, в Судьбы не верил. Даже если бы Софии удалось донести до него отчаяние, которым дышали слова Минны, и чувство ясности, навеянное буклетом, – Шадрак уж точно не усмотрел бы во всем этом водительства свыше. Его объяснения были бы совершенно иными, София же хотела видеть именно то, что узрела: жгучую необходимость спешить... и четкий путь впереди.

Итак, она решила ничего не говорить дяде. Сама же два дня все обдумывала – и приняла решение.

И вот она стояла против высоченных железных ворот, стараясь успокоить дыхание. Потом толкнула рукой – и створки беззвучно отошли внутрь. Гравий на дорожке заскрипел под ее башмачками. София медленно шла в горку, и огромный дом надвигался на нее, постепенно давая как следует себя рассмотреть. Оказывается, там и сям занавески были раздернуты. У парадного входа трудился садовый рабочий. Он орудовал граблями, наводя красоту: разглаживал гравий идеальными концентрическими кругами. Других звуков, кроме шороха мелких камешков, тревожимых граблями, не было слышно.

Рабочий не обратил на Софию внимания. Девочка поднялась по гранитным ступеням. На крыше, над распахнутыми дверьми, удобно расположилась горгулья, знакомая ей по буклету. Каменный язык, высунутый из пасти, казался длинным до невозможности.

За дверьми брала начало узкая ковровая дорожка. Малиновая полоска пересекала мраморный пол, ведя к высокой деревянной стойке. София повыше вскинула голову и направилась туда. Человек за стойкой поднял глаза, отложил книгу, которую держал. И кивнул Софии:

– Доброе утро.

– Доброе утро, – отозвалась она и посмотрела служителю в глаза.

Он был лысым, а голубые глаза – до того бледными, что казались вовсе бесцветными.

София сглотнула:

– Мне нужно обратиться в архив.

Лысый вновь кивнул, не сводя с гостьи взгляда.

– Посетители, желающие сделать запрос, должны заполнить карточку искателя, которая, будучи одобрена, предоставляет неограниченный доступ к любому хранилищу. Однако есть ограничение. – Он сделал паузу. – К пользованию архивом допускаются лишь

нигилизмйцы.

– Да, я понимаю, – сказала София. – Я нигилизмйка.

Нигилизмийские апокрифы

Нигилизмийцы стали отправлять посланников в другие эпохи еще в 1850-е годы. Цель миссий – побуждать эпохи прошлого развиваться так, как описывалось исторической наукой Нового Запада. Тем не менее возникли множественные препятствия как философского свойства, так и чисто практического. Представьте хотя бы всю тщету попыток заставить исследователей родом из Папских государств отплыть на восток в надежде «открыть» континенты Западного полушария. Тем не менее деятельность подобного рода не прекращается. Из одного только Бостона каждый год отправляются десятки миссионеров: в Папские государства, в Сокровенные империи, к Ранним фараонам...

Шадрак Элли. История Нового Запада

31 мая 1892 года, 9 часов 09 минут

Сперва София решила, что нигилизмийский буклет ей прислал кто-то из библиотекарей бостонской Публички: даром ли ей там столько месяцев помогли чем могли. Мог же затесаться и тайный нигилизмиец?..

Потом ей стало казаться, что конверт подбросил один из друзей Шадрака, вполне закономерно считавший, что ее дядя нипочем не захочет лично обращаться в нигилизмийский архив. Узколобым или зашоренным Шадрака назвать никак нельзя, тем не менее события недавнего прошлого весьма конкретно настроили его против нигилизмийцев. Он и прежде всерьез не воспринимал постулаты этого вероучения, а теперь убедился, что его адепты могли быть очень опасны.

Наконец девочке пришло в голову, что безымянный отправитель, возможно, сам работал в архиве. Работал – и знал со всей определенностью, что здесь найдется нечто бесполезное для ее поисков. Вроде бы дикая мысль: чтобы незнакомый нигилизмиец да взялся ей помогать?.. Однако Софию дрожь пробирала, стоило подумать, что здесь могли храниться некие сведения... более того, кто-то их уже обнаружил.

Глядя через конторку на архивного служителя, она помимо воли раздумывала: а вдруг это он и есть? Тайный союзник, приславший письмо?.. Вот только взгляд, пристальный, немигающий... София потянулась к висевшему на шее кулону и негромко прокашлялась. Как и следовало ожидать, круглый амулет тотчас привлек внимание нигилизмийца. И наконец, медленно повернувшись, лысый выдвинул ящик стола. Вытащил лист бумаги, перо и протянул Софии:

– Пишите заявление на предоставление вам карточки искателя.

– Спасибо большое.

– Я обязан особо подчеркнуть, – негромко продолжал он, указывая на место для подписи, – что данное заявление рассматривается как подзаконное соглашение. Если вы

поставите подпись, а в предоставленных вами данных обнаружится несоответствие, соглашение сочтется ничтожным.

– Вполне понимаю. – София помедлила, но помимо воли все же спросила: – А что случится... если вдруг что?

Лысый смотрел на нее безо всякого выражения на лице.

– Все зависит, – сказал он, – от того, решит ли архив подавать на вас в суд. В прошлом году подобных случаев было три, и все их архив выиграл. – Он слегка наклонил голову к плечу, словно обдумывая невысказанный вопрос. – Так что в ближайшее время всем этим «искателям» доведется читать разве что тюремную почту.

София напустила на себя деловой вид.

– Ясно, – кивнула она. – Спасибо большое.

Взяла перо и бланк заявления и отошла с ними к одному из пухлых красно-лиловых кресел, стоявших в вестибюле архива. Руки дрожали... София тихо сидела некоторое время, стараясь собраться с мыслями. Потом сунула руку в карман и сжала серебряную катушку, обретая уверенность.

Затем вытащила из сумочки свою тетрадь для заметок, подложила под бланк и принялась быстро заполнять анкету.

Имя: *Эфемера Тимс*. Дата рождения: *28 января 1878 года*. Адрес: *улица Ист-Эндинг, дом 34, Бостон*. Являетесь ли гражданином Нового Запада: *да*. Клянетесь ли в принадлежности к вере нигилизмийцев?

София чуть-чуть помедлила, потом написала: *да*. С рождения следуете учению или являетесь новообращенным? *Я неофит*. В таком случае имя и адрес нигилизмийца, засвидетельствовавшего обращение: *Сиккинг Монфорт, Державный проспект, дом 290, Бостон*.

Внизу София поставила свою подпись. Сунула тетрадку назад в сумку. Поднялась и протянула заполненное заявление клерку. Тот даже глаз не поднял, только сказал:

– Мы свяжемся с Сиккингом Монфортом и попросим его все подтвердить.

– Естественно.

– Эфемера, – проговорил тот задумчиво. – Двадцать пятое марта. «Любое твоё видение есть ложь, любой предмет есть иллюзия, любое чувство эфемерно как сон. Ибо живешь ты в эпохе апокрифического!»

И он выжидающе уставился на Софию.

– Се есть истина Амитто, – пробормотала девочка, стискивая амулет.

Принимая веру, новообращенные нигилизмийцы выбирали новые имена из Книги Амитто. Себе София взяла показавшееся наиболее приемлемым, избегая экзотики вроде «Чистоты», «Жалобы» или «Прениже».

Служитель архива вновь склонил голову набок:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Я сейчас позову архивиста. Вашу карточку подготовят уже сегодня, заберете, когда будете уходить.

– Спасибо, – поблагодарила София и сделала движение прочь.

– Эфемера, – вновь окликнул служитель. – Какой необычный у вас амулет... – София вскинула брови. – Вы что, сами его сделали?

– Именно так, – ответила она, сжимая круглую полночно-синюю подушечку, расшитую серебряной нитью: крохотная пятерня с раскрытой ладонью и пальцами во все стороны.

Клерк с одобрением кивнул:

– Замечено, что истинно верные всегда находят способ и путь... даже когда семьи не одобряют!

И вышел из вестибюля. София проводила его взглядом. Его шаги гулко отдавались в мраморе пола. Потом она с чувством перевела дух – и вновь погрузилась в лилово-красное кресло...

Что до Сиккинга Монфорта, он был самым настоящим нигилизмийцем. Правда, ни в каком обращении Софии участия не принимал. И в доме двести девяносто по Державному проспекту в Бостоне больше не обитал. Он умер в прошлом году, оставив вдову и парочку престарелых комнатных собачонок. София все рассчитала. У нее точно будет три дня, а повезет – так и все шесть, прежде чем нигилизмийцы бостонского архивного отделения докопаются до правды. Все зависело от их упорства в поиске и склонности к сотрудничеству вдовствующей миссис Монфорт.

Письмо, отправленное сегодня, прибывает назавтра. Вдовушке Монфорт понадобится как минимум день, чтобы нацарапать ответ. София ведь бывала у нее дома. Захламленные комнаты, еще и вонючие – стараниями избалованных шавок. Для этого визита София выдумала удачный предлог – родственника, принявшего нигилизмийство и отбывшего с миссией в Сокровенные империи. Она своими глазами видела чудовищный деревянный шкаф, где хранилось бумажное наследие Сиккинга Монфорта. Видела и то, как беспомощно разыскивала вдова предполагаемый документ... Не больно-то она, к слову сказать, и старалась: сдалась через пару минут. Тявкающие питомцы занимали ее гораздо больше, нежели юридическая практика покойного мужа. Святым заступничеством Судеб может стать, что миссис Монфорт прокопается даже несколько дней, после чего, не найдя отсутствующего документа, решит о том сообщить.

Хотя, конечно, может отписаться и без промедления...

Служитель вернулся. София выбралась из кресла. Лысого сопровождал высокий седоусый мужчина.

– Ли Моро, – представился тот с легким поклоном и подал ей руку.

– Эфемера Тимс. – София ответила на пожатие.

– Душевно рад вас приветствовать в бостонском отделении.

– Спасибо.

– Следуйте за мной, пожалуйста.

И Ли Моро направился к главному коридору архива. София поспешила за ним. Снаружи погода стояла уже по-весеннему теплая, но в здании царил тишина и стоял неестественный холод. Темно-красный ковер скрадывал шаги. София успела мимолетно обзреть несколько комнат. Высокие потолки, дубовые полки с книгами, темные обои... круглые стекла газовых светильников. На окнах – темные шторы, чтобы солнечный свет не портил старых бумаг.

Впереди показалась мраморная лестница. Начиная подъем, София искоса пригляделась к Ли Моро и решила про себя, что тайным союзником этот человек опять-таки не являлся. Он смотрел перед собой таким отсутствующим взглядом, словно вовсе и не шла рядом с ним новая посетительница архива. Темный костюм был отглажен с тщательностью, переходившей в форменный фанатизм. Общую картину дополняли начищенные до блеска ботинки...

На третьем этаже они одолели еще один коридор и наконец остановились у открытого арочного входа. София заглянула внутрь и увидела комнату, очень похожую на те, что они

проходили внизу.

– Вы знакомы с устройством нигилизмийского архива? – глядя в стену над ее головой, осведомился Ли.

София ответила:

– Мне известно лишь то, что сообщалось в информационном буклете.

– В таком случае прежде, чем определиться с направлением ваших поисков, позвольте пояснить, каким образом все здесь организовано. – Он сделал паузу. – Архив включает сорок восемь комнат. – Ли обвел рукой коридор. – Комнаты с первой по тринадцатую посвящены материалам Истинной эпохи. Мы называем этот отдел Веритас, что, собственно, и значит «истина». Здесь сберегаются хроники времен прежде Великого Разделения, равно как и тексты, составленные по ходу его. Отдел апокрифики содержит хроники Великого Заблуждения, то бишь со дня Великого Разделения, и, как можно заметить исходя из числа комнат, я имею в виду с четырнадцатой по сорок восьмую, это собрание гораздо крупнее. Интуиция подсказывает, что должно быть наоборот, – продолжал он, – ибо протяженность человеческой истории прежде Разделения куда больше, нежели после. Однако вскоре вы убедитесь, что тексты, пережившие Разделение, – исключительно редкие... В каждой комнате работает свой куратор. Сам я имею честь быть куратором комнаты сорок пять.

И он жестом указал на проход.

– Значит, – спросила София, – все расставлено по хронологии?

Ли кивнул:

– Совершенно верно. Хроники и тексты расположены в строгом соответствии со временем создания, ибо подобный метод наилучшим образом отвечает предназначению архива как такового: очерчивать пропасть, отделяющую наш мир от мира истинного, утраченного почти сто лет назад... – Он ввел Софию в комнату номер сорок пять. – Мы неустанно работаем над тем, чтобы выявить и всемерно высветить письменно зафиксированные расхождения между Истинной эпохой и Заблуждением.

Говоря так, Ли подвел Софию к столу для чтения, сработанному из красного дерева.

– Итак, присаживайтесь. Сейчас я наглядно продемонстрирую, о чем речь.

Архивист удалился в глубину комнаты, София же принялась с интересом оглядываться. В комнате номер сорок пять имелись высокие окна, выходившие в сад позади особняка. Впрочем, шторы были опять-таки плотно задернуты, а все углы заливали светом газовые лампы. Книжные полки увешивали стены до самого потолка; посередине их разделяли антресоли, куда вела винтовая лестенка. Пол покрывали ковры, у читального стола высились стеллажи, а на них – ряды и ряды тщательно пронумерованных томов и коробок. Здесь трудилась молодая женщина, одетая достаточно необычно: на ней были свободные брюки и белая мужская рубашка. Женщина сгружала книги с тележки на стеллаж. Она оглянулась, увидела Софию, немного помедлила...

«Может, это мой тайный союзник?» – подумала девочка и слегка кивнула.

Молодая архивистка никак не отреагировала и вновь обратилась к работе.

София сглотнула и выпрямилась на стуле. Вот уж нет! Никакие нигилизмийские архивисты с их холодной официальнойностью ее не проймают! Не на такую напали!

Ли вскорости вернулся, неся большую коробку. Он выложил на стол ее содержимое, расположив перед Софией два предмета: свернутую газету, на вид вполне свежую, и отдельный лист, вырванный из газеты, – старый, потрепанный. Длинный белый палец архивиста коснулся цельной газеты.

– Смотрите. Эта газета была напечатана в начале текущего месяца.

Экземпляр «Нью-Йорк таймс» датировался первым мая тысяча восемьсот девяносто второго года. София присмотрелась к заголовкам. В них говорилось о депортации крупного финансиста, оказавшегося уроженцем Пустошей, не натурализованным в стране, а также о пиратских рейдах из Семинолы и затянувшемся споре с Индейскими территориями; ему была посвящена большая статья.

– Представьте, – Ли уперся пальцами в стол подле затрепанной бумажки. – Это было напечатано в тот же самый день. Первого мая тысяча восемьсот девяносто второго года...

И слегка откинулся назад, наблюдая за произведенным впечатлением.

На первый взгляд две газеты выглядели идентичными. «Нью-Йорк таймс», – гласили буквы знакомого шрифта. Стояла и дата: «Воскресенье, 1 мая 1892 года». А вот заголовки... заголовки совершенно другие.

«Куда смотрит Шерман?» – вопрошала статья посередине листа. «Сенатор от штата Огайо не желает отвечать на гипотетический вопрос», – сообщал подзаголовок. «Возврат варварству», – возмущался заголовок справа. Ниже говорилось: «Бомбы анархистов потрясли старушку Европу. Париж и Брюссель трепещут в ожидании Первого мая. За границей ничего не знают о чикагских бомбистах...» И в самом низу: «Миннесота по-прежнему разыскивает Блэйна!»

– Это же совсем другая газета, – заинтригованно проговорила София. – Какие-то места незнакомые упоминаются... и люди...

– Они принадлежат к Истинной эпохе, – пояснил Ли. – Вот он, девяносто второй год, каким нам его следовало прожить. Девяносто второй, который мы утратили... каким он был бы, не случись Великого Разделения!

– То есть этот документ пережил Разделение?

– Именно так. Его нашли в старом шкафу на западе Пустошей. Кто-то использовал этот газетный лист как подкладку в ящике. Сам шкаф продали собирателю редкостей, и лишь тогда в старой бумажке признали настоящую ценность. Коллекционер продал ее букинисту... через него она и попала в поле нашего зрения. Ценность подобной находки трудно переоценить. Она очень на многое открывает глаза!

София спросила:

– А хоть в чем-то две газеты пересекаются?

– Вы задали именно тот вопрос, на который мы всем архивом силимся ответить, – сказал Ли. – Сходится ли хоть в малости наша эпоха Заблуждения с Истинной? Чему в этом насквозь лживом мире следует хоть сколько-то верить?.. Вот что мы каждодневно пытаемся обнаружить, изучить, подтвердить... В данном конкретном случае, – добавил он мрачно, – похоже, мы воистину далеко отклонились от предначертанного пути. Как и весь Новый Запад, ах и увы. В этих двух газетах нет ни единой сколько-нибудь сходной статьи. Страница, происходящая из Истинной эпохи, как вы совершенно справедливо заметили, упоминает о местах и людях, которых, судя по всему, вовсе не существует в известном нам мире.

София обвела взглядом комнату.

– В буклете, – сказала она, – говорилось, что ваше собрание Новым Западом не ограничивается... Это для каждой комнаты справедливо?

– Именно так. Все обнаруженные фрагменты текстов, имеющие отношение к проблеме, собраны либо здесь, либо в дочерних архивах. Некоторые темы, конечно, раскрыты полнее других, но это представляется неизбежным. Кроме того, – продолжал он, беря в руки

толстый том в кожаном переплете, – отдел апокрифики охвачен перекрестными ссылками, использующими наш собственный метод счета времени...

Ли открыл книгу на первой попавшейся странице и показал Софии верхнюю строчку, гласившую: «43 год нашей эры». После чего пояснил:

– Для нас, жителей Нового Запада, сегодняшняя дата – тридцать первое мая тысяча восемьсот девяносто второго года. Для жителей Сокровенных империй – тридцать первое мая тысяча сто тридцать первого. Это притом что все мы живем конкретно сегодня. Наши перекрестные ссылки учитывают это обстоятельство!

Он передал книгу Софии.

Наверху левой страницы значилось:

1642 – конторский гроссбух Томаса Батисте.

Местонахождение: Хранилище Объединенных Индий.

1642 – монастырский ежедневник сестры Марии Терезии.

Местонахождение: Хранилище Объединенных Индий.

1642 – собрание крупноформатных газет, выпущенных в Гаване.

Местонахождение: Хранилище Объединенных Индий.

София подняла взгляд:

– Это единственное хранилище в Индиях или еще есть?

– На самом деле хранилища имеются по всему миру. Могу уточнить: всего их шестнадцать. Дважды в год они присылают нам уточненные данные, чтобы мы могли обновить ссылки. Если перевернуть несколько страниц... – и Ли тотчас это проделал, – вы убедитесь, что ссылками охвачены и иные эпохи.

Заголовок по-прежнему указывал на «43 год нашей эры». София пробежала взглядом список документов, относившихся к 1842 году.

1842 – собрание газет, вышедших в Нью-Йорке.

Местонахождение: Бостонское хранилище.

1842 – личный дневник Максвелла Осмонда.

Местонахождение: Бостонское хранилище.

1842 – собрание писем Питера Симмонса.

Местонахождение: Бостонское хранилище.

– Понятно, – задумчиво проговорила София. – Значит, они все были написаны в одно и то же время, но в разных эпохах?

Ли медленно кивнул:

– Да, все перечисленные документы написаны либо датированы, с целью упорядочения, сорок третьим годом нашей эры, что следует понимать как «сорок третий со времени Разделения», для нас же это «сорок третий год эры Заблуждения». Если желаете обзреть всю апокрифику, датированную определенным годом, вам следует лишь просмотреть

ссылки. Кстати, – серьезно добавил архивист, – это позволяет лишний раз убедиться, сколь разрозненным и разобщенным стал наш апокрифический мир...

– Воистину, – согласилась София.

И вновь уставилась в справочник, с нарастающим ужасом осознавая всю огромность предпринятого труда. Она ведь понятия не имела, что именно ей следовало искать. И подавно – в каком году это «неизвестно что» могло быть написано. Работа в нигилизмийском архиве обещала превратиться в подвиг упорства. В самый настоящий поиск иголки в стогу сена, пусть и очень тщательно уложенном... «И что я за три дня здесь найду?» – думала она, глядя на книжные строки с тихим ужасом, грозившим перейти в панику.

– Итак, какое же дело привело вас в архив? – весьма кстати осведомился Ли.

София открыла свою тетрадку и вытащила вложенное письмо.

– Оно пришло в декабре, – сказала она. – Спустя очень долгое время после отсылки. Отправитель все эти годы не подавал о себе никаких вестей. Я пришла сюда в надежде, что архив поможет найти какие-то сведения о местах, упомянутых в письме.

Ли молча прочитал письмо. Потом положил его на стол и посмотрел на Софию так, словно в первый раз увидел ее.

– Бронсон Тимс, – произнес он с непроницаемым видом. – Так вы родственница Шадрака Элли, картолога?

– Да. Это мой дядя.

– Значит, вы совсем недавно приняли веру. Ваша семья не замечена в симпатиях к нигилизмийству.

Это было утверждение, не вопрос.

– Не замечена, – согласилась София. – И – да, я обратилась недавно.

Повисла долгая пауза. Ли сверлил ее немигающим взглядом, его лицо хранило зловеще-серьезное выражение. София заметила, что работница, расставлявшая книги, оставила свое занятие. Стояла, опустив руку на тележку, и тоже откровенно рассматривала посетительницу.

– Тем не менее, – наконец проговорил Ли, – вы желаете разыскать двоих людей в этом мире. В этом апокрифическом мире...

– Вы не совсем правильно поняли мою цель, – сдержанно ответила София. – Да, я нигилизмийка, но, подобно дяде, я еще и картолог. Вы исследуете уклонение истории нашего мира от истории мира Истинного, я же стремлюсь составить карту этих различий. Поэтому я и хотела бы установить, где находится Авзентиния. До сих пор ни единого упоминания мне не попало.

Ли задумчиво смотрел на нее еще некоторое время.

– Ясно, – проговорил он затем. Встал со стула и бережно уложил обе газеты в коробку для документов. – Я попрошу Угрыzenie оказать вам необходимую помощь, ибо сам привык работать с более опытными клиентами, – произнес он нескрываемо снисходительным тоном.

Потом оглянулся через плечо:

– Угрыzenie?

– Спасибо, мистер Моро. – София вежливо приподнялась. – Благодарю вас за то, что ввели меня в курс дела.

– Не стоит благодарности, – отозвался Ли и отвернулся, держа коробку в руках.

Молодая женщина по имени Угрыzenie села напротив Софии.

– Могу я ознакомиться с письмом? – без каких-либо предисловий проговорила она и

вытащила из нагрудного кармана очки с линзами, отливавшими янтарем.

Пока она читала, София внимательно наблюдала за ее лицом. Ей, наверное, было лет двадцать, вряд ли больше. Маленькие руки с пальцами, чуть сужавшимися к концам, выглядели почти детскими. Рабочая блуза с застежкой на пуговицах была далеко не новой, но тщательно выглаженной; это относилось и к брюкам, весьма необычным для дамского гардероба. Темные брови... короткие черные волосы, обрамляющие лицо... Взгляд сквозь стекла очков оставался нарочито бесстрастным.

«Вряд ли союзница», – сделала вывод София.

Наконец Угрыzenie вернула ей письмо и скрестила на груди руки.

– Пятнадцатое марта тысяча восемьсот восемьдесят первого, – ровным голосом проговорила она. – Драгоценная наша София! Мы с твоей мамой думали о тебе каждый день и час нашего путешествия. Теперь, вплотную приблизившись к его вероятному окончанию, мы постоянно вспоминаем тебя. Должно быть, это письмо не скоро попадет тебе в руки. Если нам повезет, мы обгоним его на обратном пути. Но если ты получишь нашу весточку, а мы к тому времени не вернемся, тебе следует знать: твои родители идут по затерянным следам в Авзентинию. Только не пытайся разыскивать нас, любимая. Шадрак подскажет тебе, как поступить. Дорога слишком опасна. У нас не было намерения путешествовать в Авзентинию. Она сама прибыла к нам. Преданно любящий тебя, твой отец – Бронсон.

София молча смотрела на нее. Странно и даже жутковато было слышать полные любви слова отца, бесстрастно произносимые незнакомкой. А уж то, что Угрыzenie вот так запросто без единой ошибки пересказала письмо...

– Как это у вас получается? – спросила София.

Угрыzenie ответила с прежним бесстрашием:

– Я что угодно с одного прочтения запоминаю.

– Завидный у вас дар...

Угрыzenie отвела глаза:

– Это смотря что доведется прочесть. Есть вещи, которые хочется запомнить. А есть такие, что век бы их не видеть.

София моргнула.

– Да, – сказала она. – Это уж точно.

– Значит, – вернулась к делу Угрыzenie, – вы ищете сведения по Авзентинии...

До Софии вдруг дошло, что эта молодая женщина, возможно, лучше других сумеет помочь ей найти краткий путь сквозь архивные дебри.

– Именно так. Вы о ней что-нибудь слышали? Быть может, видели где-нибудь? Не припоминаете?

– Нет. Не видела, – ответила Угрыzenie. И стремительно поднялась: – Мне думается, вам следует просмотреть указатели, касающиеся года, когда было написано ваше письмо. Восемьдесят второй год нашей эры.

И, не дожидаясь реакции Софии, покинула стол, чтобы тотчас исчезнуть среди стеллажей.

Впрочем, несколькими минутами позже Угрыzenie возвратилась, толкая перед собой библиотечную тележку:

– Я вам первые тридцать привезла.

И она стала перегружать тяжеленные фолианты на читальный стол.

София недоуменно нахмурилась:

– Первые тридцать... чего?

– Первые тридцать томов ссылок и указателей, касающихся восемьдесят второго года. –

Угрызение чуть помедлила, выверенное бесстрашие на ее лице впервые окрасилось едва заметной смешинкой. – Вы же не думали, что указатели по каждому году ограничиваются всего одной книгой? Восемьдесят второй охватывается более чем тремя сотнями томов.

«Триста томов! – мысленно ахнула София. – Ужас какой! Да как мне их все за три дня пролистать?!»

20 февраля 1881 года

В эту десятую и последнюю ночь на борту «Пустельги» меня разбудили ужасные завывания. Я повернулась к Бронсону, желая его разбудить, но неожиданный толчок бросил нас друг на друга. Не без труда мы выбрались из койки и торопливо оделись. Корабль бешено раскачивался, слышались крики команды, но жуткий вой все заглушал. Мы сразу поняли, что угодили в самый центр сильнейшего шторма. За иллюминатором каюты царила чернильная темнота, прорезаемая лишь ярким серебром молний. В тот момент я со всей определенностью поняла, что подобная ночь ничем хорошим не кончится. А ведь с самого момента отплытия из Бостона я так скучала по Софии... И вот теперь мысль о том, как она мирно спит в своей кроватке, словно ножом пронзила мне сердце. Она – там, а мы здесь – посреди шторма, в самом сердце бескрайнего океана... Зачем? Что мы наделали?

И ничего нельзя было предпринять, разве что стойко встретить надвинувшуюся беду. Сквозь рев бури и грохот волн мы слышали крики, постепенно сменявшиеся воплями ужаса... Бронсон взял меня за руку.

– Любовь моя, – сказал он. – Что бы ни ждало нас там, за дверью, по крайней мере, мы не расстанемся!

– Да. – Я стиснула его руку, и в ответ он крепко сжал мою.

Потом он взял веревку, которой мы обычно увязывали чемоданы, и обвязался одним концом, а другой затянул на моей талии.

– Надо, – пояснил он, – чтобы руки у нас оставались свободны. Если придется плыть, поплывем вместе!

– Да, Бронсон, – повторила я. – Я люблю тебя, родной!

Он коснулся ладонью моей щеки:

– И я тебя люблю, Минна.

Сверкнула молния, и я увидела, что он улыбается. В следующий миг все снова погрузилось во тьму.

Я больше почувствовала, как он повернулся и взялся за ручку двери.

Тотчас же на нас словно обрушился водопад немыслимой высоты. Я мгновенно потеряла равновесие, стала заваливаться назад... натянутая веревка помогла выпрямиться. Я осторожно вышла на палубу. По-прежнему ничего нельзя было рассмотреть, но я ощутила прикосновение к запястью: это Бронсон вышел из каюты.

Рука в руке, мы двинулись через главную палубу. Ужасающий вопль разорвал воздух, и, как мне показалось, с новой силой завыл ветер. Совершенно неожиданно корабль перестало раскачивать. Я тщетно вглядывалась во тьму, силясь в то же время найти опору на скользкой палубе и пытаюсь сообразить, какая сила успокоила качку. словно во исполнение моих пожеланий, очередная вспышка молнии разорвала небо, озарив несущиеся облака.

Сперва я даже не поняла, что именно предстало моим глазам. Корма судна плотно висела в нагромождении скал, обросших бурыми лентами морской капусты: «Пустельгу» словно бы сжали громадные каменные челюсти. Даже сквозь завывание бури моего слуха

достиг голос капитана Гиббонса, кричавшего:

– Покинуть судно!

И при следующей молнии я увидела, как заметались темные фигуры. Они... да, они лезли со стороны скал, стиснувших «Пустельгу», и, услышав, как изменился вой, я наконец поняла, что производил его вовсе не ветер. Звук был скорее сродни завываниям животных: то ли собак, то ли вовсе диких зверей.

Тень, ближайшая к нам, двинулась в направлении капитана, являя при этом несомненно человеческие повадки. Растительность у него на голове разительно напоминала все ту же морскую капусту, но между висячими листьями проглядывало лицо. Белое, свирепое, с оскаленными зубами, травянистой бородой... Глаза мне показались остекленевшими. Новая молния – и я увидела, как существо выбросило вперед руки, издав звук, ошибочно принятый мною за подывание ветра. Толстые стебли, составлявшие нижнюю часть тела, вздыбились, бросая своего удивительного хозяина вперед; белые руки – нет, скорее слегка зеленоватые и светящиеся изнутри – испустили что-то вроде растительной сети. Эта сеть скользкими петлями охватила ближайшего моряка и плашмя бросила его на палубу.

– Минна! Бежим на бак! – крикнул Бронсон, и мир снова погрузился во тьму.

Бронсон тянул меня вперед; я понимала, зачем мы пробираемся в носовую часть корабля. Там было возможно хотя бы броситься в волны, отдаваясь на милость бушующего океана.

Кажется, капитан и команда пришли к такому же выводу. Торопливо двигаясь на бак, мы слышали их голоса... Впрочем, там нас встретила сцена полнейшего хаоса. Темные силуэты прыгали через борт в воду. Кого-то захватывали сети и утаскивали прочь. Иные сошлись в смертельной борьбе с нападавшими. И надо всем этим – вопли, вой, крики... Не слышно только внятных приказов. В нескольких шагах от себя я заметила капитана Гиббонса. Он бешено размахивал клинком, отбиваясь от морской твари, пытавшейся сграбастать его. Мне хватило мгновения, чтобы понять, чем кончится схватка.

Из-за спины Гиббонса взлетела водорослевая сеть, его сбilo с ног...

– Кэп!.. – закричал Бронсон и рванулся вперед.

Я волей-неволей последовала за ним, спотыкаясь, чуть не падая... Так и получилось, что оба мы свалились на Гиббонса. Он яростно бился... но, увы, успел обронить нож. Бронсон подхватил этот нож, прежде чем его унесло волнами, и принялся рубить сеть, всячески стараясь не зацепить Гиббонса. Я упала рядом с ним на колени, начала дергать цепкие стебли... увы, мои усилия оказались бесполезны, словно я силилась разнять самое воду.

Я понимала, что в запасе у нас всего несколько мгновений, после чего нас пленят незнакомцы. Но в это время нашего капитана, ревавшего подобно дикому вепрю, резким рывком уволокло прочь... Я же не успела и встать, как случилось вполне предсказуемое – нас накрыла скользкая сеть.

Бронсон испустил крик ярости и отчаяния и попытался распороть ее. Мне пришлось приблизить губы к его уху, чтобы быть услышанной:

– Нет, Бронсон! Не так! Не режь – тяни!

В первое мгновение он не понял, о чем я говорила. Однако потом увидел, как видела я, что ноги наши еще опирались на деревянную палубу, а совокупный наш вес мог, пожалуй, сдвинуть существо, державшее сеть.

– Давай!.. – крикнула я.

И мы сообща рванулись, пытаясь достичь ближайшего борта. Неожиданность сослужила нам верную службу. Водорослевое создание ослабило хватку и упустило сеть, а с нею и нас. Мы перевалились через фальшборт и спутанным комом рухнули в воду, покидая корабль.

На несколько мгновений вода заглушила все звуки... Холодные волны приняли нас, стиснули, навалились всей тяжестью. Тут что-то сорвало с нас сеть.

Я была слишком потрясена, чтобы бороться. Казалось, я повисла в пустоте, лишенная веса, и отстраненно, даже с оттенком любопытства подумала: а ведь, похоже, я сейчас сознание потеряю...

В этот миг вернулась моя врожденная склонность, которую я с самого детства пыталась изжить и, казалось, вполне победила. Тем не менее иногда она возвращалась, возвращалась непредсказуемо и необоримо, всякий раз застигая меня врасплох.

Я потеряла счет времени.

Я просто висела в толще воды. В черноте мелькали проблески оранжевого света, прекрасные, словно подводный мираж. Вместо того чтобы всеми силами рваться к поверхности, я принялась обдумывать видение... а может быть, воспоминание из предыдущего вечера.

Мы с Бронсоном сидели за столом с капитаном Гиббонсом и, по обычаю, сложившемуся за время плавания, разделяли с ним ужин. Я отведала тушеного мяса с гарниром, рот наполнился вкусом тыквы и сливочного масла. В каюте было тихо и уютно, вкусная пища радовала желудок... Тем не менее кое-что меня беспокоило, и я решила об этом заговорить.

– Сами того не желая, мы отмечаем, – начала я и покосилась на Бронсона, который ободряюще мне кивнул, – что по мере нашего продвижения на восток команда все больше тревожится...

Гиббонс помолчал, глядя в тарелку. Потом отпил воды из хрустального стакана.

– Пустое, – проговорил он и вновь взялся за ложку. – Вы ведь уже плавали на восток. Значит, имеете представление, насколько суеверны делаются моряки, стоит им как следует отдалиться от берега.

Бронсон искоса посмотрел на меня.

– Да, – сказал он, – мы плавали на восток. Правда, не этим маршрутом.

Я же спросила:

– Сопутствует ли нынешнему плаванию некое особое суеверие, о котором нам следовало бы знать?

Гиббонс покачал головой:

– На берегу мои люди ведут себя вполне здравомысленно, однако примерно посередине Атлантики всегда наступает момент, когда они ни дать ни взять превращаются в испуганную ребятню и прячут голову под одеяло, чтобы спастись от дурных снов.

Он разглаживал скатерть ладонями, изгоняя с белой ткани самомалейшие морщинки.

– Да ладно вам, Гиббонс, – доброжелательным тоном проговорил мой муж. – Поведали бы уж, чего они так боятся. Мы с Минной не паникеры какие, нас не выведут из равновесия рассказы моряков.

– Конечно. Примите мои извинения. – Гиббонс с улыбкой поднял взгляд. – Я не хотел попусту вас тревожить, но вы совершенно правы. Вы не из тех, кто склонен поддаваться суеверному страху. – Он передернул плечами. – Люди, видите ли, считают, что пересечение Атлантики переносит нас через некий барьер... незримый, конечно, барьер... отделяющий

Западное полушарие от старинного мира Папских государств, Срединных путей и Ранних фараонов.

– Незримый? – спросила я. – Раз так, из чего же он, по их мнению, состоит?

– А, это... – улыбнулся наш капитан. – На сей счет мнения расходятся. В целом моряки полагают, что барьер стережет некая таинственная сила, однако трактуют ее все по-разному. Возможно, вы услышите, как мои ребята рассуждают о лютотравах – неких существах Знака лозы, охраняющих Старый Свет... – Он засмеялся и опустил ложку в тарелку, серебро звякнуло о тонкий фарфор. – Лютотравы! – фыркнул наш капитан. – Я больше склонен считать, что при пересечении Атлантики главный враг – скука! У парней слишком много свободного времени, вот и выдумывают неведомо что. Что за чушь!

Он отставил тарелку, словно отталкивая вместе с нею суеверные измышления матросов. Потом добавил со счастливой улыбкой:

– Между прочим, мой кок нас решил лимонным пудингом порадовать на десерт!

...На этом воспоминание померкло, словно где-то медленно погасили свет. Я продолжала безразлично дрейфовать в толще воды... Потом меня несильно дернули за руку.

«Бронсон!» – пронзила внезапная мысль.

Мои руки заметались, ища веревку. Я отчаянно перебирала ее... и вскоре убедилась, что произошло самое страшное. На том конце никого не было.

Лишь тогда я принялась отчаянно загребать, пробиваясь к поверхности.

Когда воздух вновь наполнил мои легкие, вместе с ним в уши ворвалась ужасная какофония звуков. Я слышала голоса шторма и завывания лютотравов. Однако определить, где нахожусь и, главное, где Бронсон, никакой возможности не было. Моя голова вновь погрузилась, и я с ужасом осознала: если не двигаться, не бороться, я обязательно утону. Я стала сражаться с волнами и яростно забила ногами. Стукнувшись головой о что-то твердое, безотчетным движением схватилась за этот предмет, невидимый в темноте. Оказывается, в руки мне попал большой деревянный обломок.

Я наконец-то как следует перевела дух и открыла глаза. Меня спас обломок корабельной мачты, но спасти саму «Пустельгу» никто уже был не в силах. Я видела, как некогда величественный корабль разваливается на куски, превращаясь в сломанную игрушку, словно бездна морская поглощала его...

Под словами «Страна индейцев» на момент Великого Разделения подразумевалось неофициальное обозначение региона к западу от границы прежних Соединенных Штатов Восточного побережья. Существовавшие в то время договора закрепляли за отдельными племенами те или иные участки земли, однако зачастую соглашения нарушались. После Разделения, в 1805 году, Новый Запад привел в порядок свои отношения с Индейскими территориями, установив официальные границы и заключив ряд новых договоров; в результате Территории получили статус самоуправляемых присоединенных земель. Тем не менее установленные границы все так же зачастую игнорировались переселенцами. Это обстоятельство достойно всяческого сожаления, но ни в коей мере не удивительно...

Шадрак Элли. История Нового Запада

31 мая 1892 года, 17 часов ровно

Что в особенности отравляло жизнь всю зиму и всю весну, так это отказ хронометра.

В Бостоне часы висели на каждом углу. Каждый гражданин Нового Запада носил с собой особые жизнечасы. Вдобавок к ним у каждого гражданина имелся внутренний хронометр, достаточно надежно «тикавший» в недрах сознания двадцать четыре часа в сутки...

Вот этот-то хронометр у Софии и не работал.

Она очень легко теряла счет времени, что причиняло ей бесчисленные неудобства и служило постоянным поводом для неловкости и стыда. Минувшим летом она с этим обстоятельством почти примирилась. Так вышло, что она осознала: отказ внутренних часов мог оказаться очень даже полезным. Если она сосредотачивалась на чем-то одном, вдумываясь в каждую деталь, целый час, бывало, пролетал мимо и казался мгновением. А если она, наоборот, приглядывалась к летучему мгновению, открывая его таинственные глубины, секунда легко растягивалась на целый час.

Беда в том, что вместе с зимней стужей подкралась печаль. Сперва – тоненьким ручейком, после – сокрушительным валом. Из-за этой грусти сосредоточение сделалось решительно невозможным. София утратила способность по своему произволу сжимать и растягивать время, текущее мимо нее. Вновь сделалась беспомощной щепкой в безбрежном потоке часов, минут и секунд...

Что ж, теперь она чувствовала, как навык сосредоточения постепенно к ней возвращается. Внутри звучал некий ритм, жило мощное и деятельное намерение. В свой первый день за работой в нигилизмийском архиве София без устали рылась в ссылках и списках, пока Угрызение попросту не выгнала ее из комнаты сорок пять: архив закрывался на ночь. София забрала на стойке регистрации свою членскую карточку и со всех ног

ринулась домой, стремясь вернуться до сумерек...

Минна не появилась.

Это было, конечно, огорчительно – но не смертельно. София уже оседлала волну. Она даже решила непременно рассказать Шадраку про нигилизмийский архив. Усевшись в кресло возле своего стола, откуда хорошо просматривалась улица Ист-Эндинг, девочка стала ждать.

Чтобы скоротать время, она принялась вспоминать последнее видение Минны, деталь за деталью, словно погружаясь в карту памяти. Меркнущий свет... запах сирени, наплывающий из-за ворот... далекий рокот колес... А вот и сама Минна: темные волосы заплетены в косу и уложены вокруг головы, бесцветное походное платье до земли... длинные ряды пуговиц спереди и по рукавам. Ее голос звучал ласково и приглушенно, словно она говорила из-за занавеса. «Затеряны, но не утрачены... отсутствуем, но не исчезли... незримы, но подаем голос. Разыщи нас, пока мы еще дышим!»

Когда она потянулась к Софии, на ее лице мешались нежность и сожаление... А как болталось на ней платье! Так, будто она резко исхудала. И подол казался мокрым и грязным...

София нахмурилась. Ее мысли свернули в неожиданном направлении. Она даже потрянула головой, пытаясь вспомнить восторг, охвативший ее при виде матери... Не получилось.

Звук шагов по уличной мостовой заставил девочку открыть глаза. Ее дядя подходил к боковой двери. На Софию вдруг накатила волна печали... и захлестнула с головой. Что так подействовало на нее? Возвращение Шадрака? Расплывчатое воспоминание о Минне?.. В любом случае что-то опрокинуло легкую лодку, весь день мчавшую Софию вперед. Она глубоко вдохнула, выдохнула и постаралась отстраненно взглянуть на свое настроение, чтобы окончательно ему не поддаться.

Она понимала, что грустит не о чем-то отдельном, а сразу о многом. Ее печалило, что Шадрак так поздно вернулся из министерства... да небось еще и дома за работу засядет. Ее огорчал его вечно утомленный вид. И то, что на урок картологии, скорее всего, опять времени не останется. Точно даже вспоминать обо всех картах, лежавших нетронутыми в подвальном хранилище... А еще было совестно пусть и мысленно, но попрекать дядю его занятостью, ведь дела, которыми он занимался у себя в министерстве, очень нужные и важные...

Всего же более Софию расстраивали перемены в ее отношениях с Шадраком. Из-за чего они отделились? Из-за того, что у него совсем не осталось для нее времени, а ее это обижало?.. Как бы то ни было, дистанция определенно присутствовала. София подумала, что в былые времена уже мчалась бы по лестнице его встречать, и от этой мысли стало совсем худо.

Она медленно поднялась с кресла. Сейчас он посмотрит на нее – по обыкновению усталым, отсутствующим взглядом – и скроется в кабинете.

Когда она спустилась в кухню, Шадрак разбирал брезентовую хозяйственную сумку, воздвигнутую на столик.

– Ты вернулся, – сказала София и заключила его в объятия.

– Да, вернулся. Наконец-то... – И дядя устало обнял ее в ответ. – Не надо было меня ждать. Совсем проголодалась, наверное!

– Ерунда, – ответила девочка и взялась распаковывать принесенные дядей продукты.

Шадрак опустился на стул, движение вышло таким, словно у него совсем кончились силы. Она же внятно расслышала в собственном голосе обиду и горечь.

«И вовсе не ерунда! Я глаза просмотрела, тебя дожидаясь! И так – каждый вечер!»

Поняв это, она сама удивилась. Ей даже показалось, что истинный смысл ее слов внятен настолько же, насколько зримой была накатившая волна скорби. Знать бы, расслышал ли Шадрак?..

– А я голоден, как стая волков, – проговорил дядя, откидываясь на стуле. – Представь, хватал съестное с полок в лавочке Мортонна, даже не задумываясь, что беру! Нынче у миссис Клэй выходной, так что она счастливо отдыхает от нашего общества... только желудкам нашим этого не объяснишь!

Значит, не слышал, рассудила София.

Она уткнулась в сумку с покупками, всемерно отворачиваясь от неприятного открытия. Лучше уж сосредоточиться на продуктах!

– Пикули, холодная свинина, сыр чеддер, ржаной хлеб и четыре помидора, – деревянным голосом перечислила она. – Сейчас тарелки достану.

До нее вдруг дошло, что именно этим она и занималась уже который день кряду. Что-то говорила, выдавая желаемое за действительное в надежде, что ее мечты обретут плоть...

Она отодвинула кипу карт, закрывавших доступ к ящику, где хранилось столовое серебро.

– Еще один немислимый день, – вздохнул Шадрак, поставил локти на стол и подпер ладонями голову. – Опять разбираемся с самовольными захватчиками в Индейских территориях. Сами себя они, конечно, именуют мирными поселенцами. Вот бы им еще хоть каплю здравого смысла! Они ведь как рассуждают? Если им приглянулся клочок земли, не огороженный забором, значит занимай и устраивайся... Большинство, конечно, простые мошенники, но встречаются и нигилизмийцы. Эти настаивают на нашем всемерном продвижении к западу, ибо так оно случилось в Истинной эпохе...

Он закатил глаза:

– Вот же люди, все никак не поймут – мы живем в нашем теперешнем веке, а не воспроизводим какой-то иной!

София молча смотрела на дядю.

«Пора рассказать ему про архив, – подумала она. – Он, конечно, расстроится, но я все объясню, и он поймет мой поступок».

София даже рот открыла, собираясь говорить, только слова наружу почему-то не пошли.

Шадрак же покачал головой и сказал:

– Ладно, хватит про министерство, у меня актуальней новости есть. И хорошие, и плохие.

София опустилась на свое место:

– И что же за новости?

– Сегодня я получил письмо от Майлза. Помнишь, они продвигались к Жуткому морю в надежде разыскать человека, вроде бы знавшего о местонахождении Авзентинии?.. Так вот, тот человек умер, причем они всего чуть-чуть опоздали с ним повидаться, – произнес он, глядя в тарелку.

Затем поднял глаза:

– Мне очень жаль, Софочка.

А она-то надеялась!..

– Так они вообще ничего не узнали?

– Майлз лишь упоминает, что того человека не оказалось в живых. Большая часть письма посвящена нападению, которому они стали свидетелями... Ну, не само нападение, но его непосредственные последствия. Поселенцы из Коннектикута атаковали индейский городок возле границы... – Шадрак провел пятерней по волосам. – Мы с премьером Блаем три часа сегодня просидели впустую. Пытались найти решение, но так и не смогли.

На самом деле Новый Запад начал разительно меняться еще с прошлого лета, когда правительство заняло бескомпромиссную позицию по отношению к инородцам и принялось депортировать неграждан. София давно уже отмечала про себя оскудевшие витрины, отъезд былых соседей – уроженцев Индий, исчезновение знакомых вагоновожатых в трамваях... наконец, некое установившееся единообразие среди жителей Бостона. Ни тебе коробейников из Пустошей, предлагающих бирюзу, ни хиромантов из Индий с их «совершенно точными» предсказаниями судьбы. Куда-то подевались даже выходцы из Индейских территорий или из штата Новый Акан, хотя уж они-то имели полное право здесь находиться!

Наверное, эти люди считали закрытие границ глупостью несусветной. Территории и Новый Акан располагались в непосредственном соседстве с теми же Пустошами: чуть не у каждого там жили родственники и друзья. Для этих людей «настоящими» инородцами были переселенцы из Коннектикута, которые, плюя на все правительственные договоры, знай себе захватывали земли Индейских территорий. Соответственно, между местными и приезжими росло напряжение. Многим казалось, что премьер-министр Сирил Блай, желавший открыть границы и мирным способом решить земельные споры, слишком поздно занял свой пост. С января, когда его назначили, число новых конфликтов превысило количество урегулированных – и это при его всем известном искусстве переговорщика.

София тяжело вздохнула:

– А хорошие вести?..

– Состоят в том, что Майлз уведомил меня о скором возвращении экспедиции. Представь: мы тут с тобой сидим разговариваем, а они прямо сейчас домой направляются! – Шадрак попробовал улыбнуться. – В общем, того гляди, и правда скоро нагрянут.

«Наконец-то!» – подумала София. Вслух же спросила:

– И когда, по-твоему, их ждать?

– Пожалуй, в любой день. Представляю, как ты радуешься возвращению Тео!

– Да! – совершенно правдиво ответила София.

Без Тео у нее с поисками родителей не ладилось... и вообще.

Хотя, правду молвить, с поисками Тео ей не очень-то помогал. Когда они вдвоем отправились в бостонскую Публичную библиотеку, София много часов рылась в книгах, читала, читала... Тео же провел за читальным столом едва ли пару минут – и удрал болтать с другими посетителями библиотеки. А эта его привычка постоянно выдавать шуточки, даже о вещах более чем серьезных! Когда многообещающая зацепка в очередной раз оборачивалась глухим номером, он неизменно принимался прикалываться – и не закрывал рта, пока София тоже не начинала смеяться. Может, поэтому у нее без него и дело застопорилось? Если подумать, утыкаться в тупик вообще не здорово. А он умудрялся все обставлять так, словно ничего смешнее на свете-то не было!

София и Шадрак молча сидели над нетронутыми тарелками. На стене громко тикали кухонные часы.

«Пора уже мне что-то сказать, – думала София. – Нужно объяснить ему про архив».

– Я сегодня еще в один архив заглянула, – произнесла она торопливо, понимая, что «по здоровом размышлении» опять промолчит.

Дядя немного помолчал, потом изобразил интерес:

– В самом деле?

София видела по глазам: ему самому было стыдно за наигранное веселье, и преисполнилась сострадания.

«Вот и я чувствую то же, – подумалось ей. – До чего противно лицемерить».

Ей мучительно захотелось сказать что-то такое, что все исправило бы. О том, как она скучала по его урокам картологии, как нуждалась в его помощи... А главное – что она все понимала и он, невзирая ни на что, оставался ее любимым дядей Шадром...

Разговоры о поисках Минны и Бронсона с некоторых пор сделались для них больной темой. Оба чувствовали себя глубоко виноватыми. Шадрок – потому, что ничего по этому поводу не предпринимал. София – потому, что своими упорными усилиями невольно обвиняла дядю в бездействии... Ей вдруг напрочь расхотелось рассказывать ему про нигилизмийский архив.

– Ага, – сказала она, выдавая все ту же ненастоящую улыбку. – Правда, пока ничего полезного не нашла. Если найду, обязательно расскажу.

– Жду с нетерпением! – отозвался Шадрок. – Слушай, давай поужинаем наконец. Ну и деньки – один другого длинней... Ты уж прости, Софочка. Куда мне деваться, сейчас поедим, и опять в кабинете закроюсь. Работа такая...

София кивнула, старательно пряча разочарование.

– Давай ужинать, – сказала она. – Я же понимаю.

1 июня 1892 года, 7 часов 59 минут

На следующий день она явилась в нигилизмийский архив к самому открытию. В дверях возник лысый сотрудник, и София внимательно вгляделась в его лицо, ища судьбоносного знака: тревоги, ярости, подозрения... Ни того, ни другого, ни третьего. Она показала карточку, он безразлично кивнул. «Пронесло... на сегодня!» София кивнула в ответ и направилась в комнату сорок пять.

Угрызение любезно предложила ей разместить указатели за восемьдесят второй год на одном столе, чтобы София могла без задержки приступить к своим разысканиям. Углубившись в работу, она вскоре подметила, что книги оказались передвинуты. Тома с первого по пятый, которые она уже посмотрела, все так же аккуратной стопкой выселись по левую руку. А вместо шестого тома, к которому она собиралась приступить, София обнаружила перед собой том двадцать седьмой.

Она отправила его на тележку, где ему и было самое место, и взялась за шестой.

София трудилась со всей мыслимой скоростью, просматривая строчку за строчкой. Всякий раз, переходя к новому заголовку, она слышала эхо знакомого голоса, который побуждал ее торопиться. «Разыщи нас, пока мы еще дышим!»

«Я пытаюсь, – безмолвно отвечала она. – Я правда пытаюсь...»

Угрызение трудилась неподалеку. Обмахивала от пыли книжные полки, расставляла по порядку тома. Дождавшись, пока Ли выйдет из комнаты, она приблизилась к читальному столу и отложила щетку.

– Как дела? – ровным голосом осведомилась она.

– Двигутся, – отозвалась София и снова уткнулась в бесконечные указатели.

Лишь мгновением позже до нее дошло, что Угрызение продолжала стоять рядом. София встревоженно подняла взгляд:

– А... у вас дела как?

– Тоже движутся, – ответила немногословная архивистка. – Я просто к тому, что мне здесь недолго осталось работать. Уезжаю с миссией нашей веры.

София удивленно моргнула:

– Куда, если не секрет?

– В Папские государства, – сказала Угрызение. Потом в свою очередь спросила: – Что вы думаете о таких миссиях?

София нахмурилась – и ответила правду:

– Ну... я не знаю.

Угрызение кивнула:

– Некоторые ниги полагают, что это благочестивейшая на свете работа. Мы отправляемся в другие эпохи, дабы побудить их следовать истинному пути... Я слышала, в прошлом году миссия, работавшая в Папских государствах, предотвратила несчастный случай, который чуть было преждевременно не оборвал жизнь Христофора Колумба...

Угрызение говорила по-прежнему безо всякого выражения. София ответила осторожно:

– Уж что говорить, дело важное... беда только, путешествия Колумба теперь не смогут произойти в точности так, как в истинном прошлом!

Архивистка склонила голову набок.

– Вот и Ли так говорит. Он считает миссии бесполезными, так как мы живем в Апокрифическую эпоху, а значит происходящее в ней все равно не имеет значения. Этот мир в любом случае – ненастоящий.

София помедлила с ответом. Угрызение, похоже, так не считала, иначе зачем бы ей связываться с миссией?

– Думается, – проговорила она наконец, – и в тех и в других соображениях есть резон.

Угрызение продолжала, словно не услышав:

– Но если этот мир нереален, почему же мы в нем сердимся и грустим, почему веселимся и радуемся? Ненастоящий мир не должен был бы вызывать у нас никаких чувств.

София знала нигилизмйцев достаточно хорошо, чтобы правильно толковать их поведение. Они всячески демонстрировали полное отсутствие чувств. Они якобы не радовались и не грустили, ведь в нереальном мире нет места эмоциям. Тем не менее ей и в голову не приходило, что они ежечасно боролись сами с собой, скрывая свои чувства. И даже более того: изо всех сил пытались искоренить сами чувства.

Где-то глубоко в душе шевельнулась нежданная жалость.

– Трудно сказать, – медленно проговорила она. – Я не знаю.

– И я не знаю, – глядя на стол, ответила Угрызение.

– Можете хоть немножко рассказать, какое у вас будет задание?

Архивистка поднялась так же внезапно, как и села.

– Нет. Просто я скоро уеду. – Сунула щетку под мышку и переменяла тему: – Просматривать тома в хронологическом порядке не всегда самый производительный способ.

София ответила:

– Так проще отслеживать, что я уже читала, а что нет.

Угрызение задержала на ней взгляд:

– Хорошо.

И, отвернувшись от девочки, возобновила работу.

София некоторое время смотрела на нигилизмийку, обдумывая услышанное, особенно последнюю фразу. Это ведь Угрызение подсказала ей начать просмотр указателей с тысяча восемьсот восемьдесят первого года. Может, она и теперь предлагает нечто большее, нежели общий совет? София стала ждать от женщины знака, едва заметной подсказки. Нет, ничего. Нигилизмийка продолжала размеренно и усердно смахивать пыль.

Водоёмы на северо-западной оконечности Нового Запада, некогда известные как Великие озера, разительно изменились после Разделения. Они превратились в бескрайнюю ледяную ширь, пересекать которую отваживаются немногие. Раньше у озер были различные названия, в том числе Эри – в честь одного из прибрежных племен. Теперь несколько племен населяют само заледеневшее море: эри и другие, в том числе Вещие, перебравшиеся с тихоокеанского побережья. О нынешнем названии моря ходят многоразличные слухи, но то, что оно действительно Жуткое, никакому сомнению не подлежит. Ледяные дворцы, замерзшие озера под сводами просторных пещер... Морозные чертоги не раз заворачивали исследователей странными огнями, внезапными туманами, эхом таинственных голосов...

Шадрак Элли. История Нового Запада

2 июня 1892 года, 15 часов 22 минуты

Вот уже три дня София вчитывалась в указатели, посвященные «восемьдесят второму году нашей эры». За это время она одолела девятнадцать томов. Угрызение поддерживала ее бесстрастными комплиментами по поводу того, как быстро она читает. Сама София отчетливо понимала другое: скорость ее чтения, наоборот, недостаточна. И вот трое суток, когда, по расчетам, она была в относительной безопасности, завершились. Теперь начиналась рискованная игра. Отныне ей предстояло каждый день подходить к дверям архива с оглядкой на все возрастающую вероятность, что обман вскрылся и сейчас ее выведут на чистую воду.

«Разыщи нас, пока мы еще дышим!» – стучало у нее в голове, когда она шла с трамвайной остановки к дому тридцать четыре.

«Если бы я знала, что делать, – мысленно вздыхала она. – Что я могу?»

Не было уверенности даже в том, что искать нужно именно в восемьдесят втором нигилизмийском году. А если жизненно важная улика хранилась на расстоянии трех книжных полок, среди указателей, касавшихся восемьдесят третьего?

Одним словом, к домашней двери София приблизилась в исключительно унылом и подавленном настроении. Отворила боковую дверь, бросила на скамейку сумку для книг... и замерла.

Изнутри дома долетали звуки веселья. Там смеялись на три голоса... то есть нет – на четыре! Сердце забилося. София чуточку послушала – и медленная улыбка озарила ее лицо. Она пересекла прихожую, бросилась в дядин кабинет и из него сквозь открытую дверь вниз, в картологическую комнату.

– А вот и она! – донесся голос Шадрака, сопроводивший ее торопливые шаги по

ступеням.

София влетела в комнату и в первую секунду увидела, что Шадрак сидит за столом, а миссис Клэй и Майлз Каунтримен – в креслах поблизости. Внизу же лестницы, скрестив на груди руки и с предвкушением вскинув карие глаза, стоял Тео. Разогнавшаяся София еле остановилась всего на одну ступеньку выше его. Помедлила, вновь на секундочку выпав из временного потока... и со счастливым облегчением осознала: Тео выглядел измотанным дальними странствиями, он определенно вытянулся со времени отъезда... но все равно это тот же самый Тео, ее верный друг.

Он расплел руки и протянул ей ту, где был шрам. Рука странновато подрагивала.

– Ну? – спросил он хриплым голосом. – Долго мне еще объятий-то дожидаться?.. Уже час тут торчу!

София качнулась вперед, всхлипывая и смеясь, и крепко обняла дядю.

– Где тебя носило? – кое-как выговорила она. – Я уж думала, ты никогда не вернешься!

Он рассмеялся:

– Ага! Вижу, так и не выучилась за временем следить...

Но широченная улыбка, которую, слегка отстранившись, увидела София, говорила другое. Он тоже по ней смертельно скучал.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторваться от Тео и подойти к Майлзу. Путешественник радостно обнял ее. Его вечно растрепанная седая грива сделалась еще длинней, София в ней мало не задохнулась.

– Софочка, дитя мое! – воскликнул он, отпустив ее наконец. – Нам пришлось ногтями и зубами прорываться назад, но вот мы и дома! – И он ухмыльнулся с видом заговорщика. – Впрочем, должен тебе сообщить, что именно теперь самый подходящий момент предпринять новое путешествие!

У Шадрака и миссис Клэй вырвался дружный стон.

– Именно так! – запротестовал Майлз. – У Софочки завершился учебный год, прогноз погоды по «Календарю фермера» исключительно благоприятен... а как сладостно пахнут в июне ветры чужедальних земель!

Шадрак с веселым отчаянием замотал головой.

– Погоди хоть несколько минут, – взмолился он в шутку. – Прежде чем мчаться навстречу дыханию заморских ветров, расскажи нам про Индейские территории!

– Так отправимся же все вместе, – немедленно предложил Майлз. – По дороге мы с Тео полный отчет тебе и дадим!

София и миссис Клэй рассмеялись.

– Майлз, – проговорил Шадрак с упреком. – Я вынужден заключить, что ты самым злонамеренным образом вознамерился терзать и мучить меня! Ведь знаешь прекрасно – министерство заточило меня в Бостоне, я тут сижу, точно кролик в садке... словно куренок в корзине... как беспомощный узник в каталажке!

– Ладно, ладно, – заворчал Майлз. – Что я точно вижу, так это то, что министерство успело приучить тебя важничать... ну да, тебя все время на части рвут, и каждое дело – самое безотлагательное... Какие уж тут путешествия! Даже маленькая морская прогулка... ненавязчивый такой выезд воздухом подышать... есть чудовищное нарушение священного хода великих государственных дел!

София и Тео улыбнулись и подмигнули друг дружке.

– Во имя всего святого, Майлз! – взорвался Шадрак. – Давай я прямо сейчас сложу с себя

должность и выдвину тебя на свое место? Как тебе такой вариант? Знал бы ты, с какой радостью я оставил бы все эти священные дела, или как ты там их назвал, в общем, безобразие это, от которого у меня голова каждый день пухнет! Все бы бросил – и с вами!.. – Он вздохнул и продолжил уже серьезнее: – Правду молвить, собачья это работа – министром быть! Врагу не пожелаю...

– В самом деле? Неужто даже блистательному, благообразному, премудрому Гордону Бродгёрдлу? – спросил Майлз саркастично. – Право, стоило бы поделиться с означенным персонажем парой-тройкой твоих постоянных мигреней... пусть хоть приблизится к пониманию, что это такое – быть простым смертным!

– Уговорил, – улыбнулся Шадрак, решив воспользоваться случаем и рассмотреть свои жизненные проблемы в юмористическом ключе. – Бродгёрдлу – пожалуй.

Он поднялся неожиданно энергично:

– Так или иначе, сегодня у нас выдался счастливый вечерок, не будем же его портить черными мыслями о всяких там... ну их, действительно! Друзья, идемте наверх, сейчас вы убедитесь, что я не оказался решительно не готов к скромному празднованию! У меня имбирное пиво припрятано, а еще есть две мясные запеканки из «Марки и свистка»... а еще наша дорогая миссис Клэй раздобыла у Оливера Хэмилтона самый большой торт с кленовым сахаром, какой только бывает!.. Майлз, Тео! Если вы еще будете так любезны захватить с собой карты, дабы показать каждую милю своего пути, нам поистине больше не о чем будет мечтать!

Майлз тотчас устремился к лестнице:

– Пусть Тео доклад задвигает, я свой рот чем получше займу...

Миссис Клэй последовала за путешественником, подхватив миткалевые юбки, чтобы не споткнуться. Шадрак догнал экономку:

– Поторопимся, миссис Клэй, во имя добрых Судеб! Не то останутся нам с вами одни крошки на полу...

– Какое счастье, что кленовый торт сохраняется наверху, в моих комнатах, – ответствовала миссис Клэй.

– Этот человек найдет все, – притворно испугался Шадрак. – Когда он голоден, ничто не пребывает в безопасности. Кухонный стол и тот под угрозой...

София и Тео рассмеялись, следуя за старшими.

– Погоди-ка. – Тео взял девочку за руку. – Рассказывай, как ты жила?

София заулыбалась. Внезапно вернулось смущение, охватившее ее в первый миг встречи.

– Все хорошо! – Она стиснула его ладонь. – Как здорово, что ты снова здесь!

– А уж я-то как рад! Слушай, Шадрак говорит, ты в библиотеке поселилась...

София опустила глаза:

– Ну да... Все бьюсь над письмом, пытаюсь расшифровать. Сдвигов, к сожалению, пока никаких. Сейчас, например, перекапываю аж триста томов, надеюсь в них нечто ценное отыскать...

– Сейчас, вообще-то, лето стоит, – притворно-легкомысленным тоном сказал Тео. – Может, позволишь себе маленький перерыв? Передохнешь от письма?

Ответом ему был взгляд Софии, полный удивления. Они к тому времени как раз добрались до верха лестницы.

– Передохнуть? От письма? – спросила она.

Предложил бы сразу его закинуть в горящий камин!

– Именно. Знаешь, иногда вещи начинают выглядеть по-другому, если посмотреть на них... спустя некоторое время. Дай мозгам перерыв, понимаешь? Займись чем-нибудь другим...

София даже отняла руку:

– Не нужен мне никакой перерыв!

– Я же не уговариваю тебя напрочь позабыть про письмо! Ни в коем разе! Я про маленькие каникулы говорю. Примером, удалось бы Шадрака развести, чтобы отпустил нас на месяцок поплавать с Каликстой и Барром. Глядишь, по ходу идеи новые посетят!

– Сказала же, не нужны мне каникулы! Я хочу маму с папой найти!

– Ну хорошо, хорошо, – тотчас уступил Тео, и его тон стал примирительным. – Я же только вернулся, помнишь? А ты уже всюю на меня злишься! Мы так не договаривались! – И снова заулыбался: – Давай я тебе помогу! Вместе одолеем эти триста томов, небось вдвое быстрее и получится. Что скажешь?

И он потянулся к ней, желая снова сжать ее руку.

София смотрела на него, постепенно смягчаясь:

– Я сама должна их все изучить... но все равно спасибо. И я правда рада, что ты вернулся!

– Софочка! Тео! – появляясь в дверях кабинета, окликнул Шадрак. – Собираетесь вы помочь нам отвоевать у Майлза хоть немного еды – или как?.. Он уже надел на вилку целую запеканку, и без подмоги нам с ним не справиться!

– Ах он проглот этакий, – возмутился Тео и ринулся вверх, увлекая за собой Софию.

Обе запеканки гордо красовались на кухонном столе в окружении бутылочек имбирного пива. Миссис Клэй расставляла тарелки, готовила салфетки и приборы; Майлз, не вовремя потянувшийся к угощению, уже получил шлепок по рукам.

Когда все расселись, Шадрак торжественно разрезал первую запеканку, разлил пиво в бокалы и произнес тост:

– Добро пожаловать домой, Тео и Майлз! За счастливое окончание путешествия!

– И за новые, грядущие, – добавил Майлз, поднимая бокал. – Ближайшая поездка стартует прямо завтра!

Все рассмеялись и занялись запеканкой. Она оказалась в полной мере так хороша, как Шадрак и предрекал. Когда на столе остались лишь крошки да пустые стаканы, миссис Клэй принесла сверху десерт. Щедрые порции мягкого желтого бисквита в обильной глазури из кленового сахара сопровождали чарльстонский чай, разлитый по чашкам.

Расправившись с третьей порцией торта, Майлз с удовлетворенным вздохом откинулся на спинку стула. А потом начал долгий рассказ о поездке, описывая нескончаемый переезд по штату Нью-Йорк и через северо-западный угол Пенсильвании – на границу Индейских территорий. То и дело впадая в полемику с Тео – их воспоминания по некоторым обстоятельствам отчасти разнились, – он в итоге признал, что путешествие на запад выдалось бедноватым на события. Во всяком случае, пока не достигли берега Жуткого моря.

– Единственным препятствием, с которым мы столкнулись, было очевидное предубеждение против бостонцев, – покривившись, как от кислого, сообщил Майлз. – Закрытие границ не очень-то добавило нам популярности. Представьте, в Соленом один старик взял и плюнул в меня, едва выяснил, откуда я прибыл!

Воспоминание заставило Тео хихикнуть:

– Ну, Майлз, конечно, ка-ак плюнул в ответ.

– А что я, по-вашему, должен был сделать? – возмутился путешественник. – Я хотел ему доказать, что ненавижу закрытие границ еще побольше, чем он!

– Так вот, помимо этого забавного происшествия, мы испытали затруднение, лишь разыскивая Кабезу де Кабру. На это у нас ушло времени не меньше, чем на всю поездку от Бостона до Жуткого моря.

– Верно, – согласился Майлз.

– Все типа знали, где он живет, только каждый нес свое, – пояснил Тео. – Да и у нас никаких определенных сведений за душой не было.

Майлз и Тео пустились в путь на излете зимы, отслеживая один непроверенный слух. Бостона достигли вести об отшельнике, живущем в хижине на берегу Жуткого моря. Якобы это был выходец из Папских государств по имени Кабеза, и якобы этот самый Кабеза триста шестьдесят четыре дня в году неукоснительно сторонился человеческого общества. А на триста шестьдесят пятый – конкретно в день зимнего солнцестояния – прерывал свое затворничество, выдавал бредовые пророчества о конце света, о новом грядущем Великом Разделении... а еще – о чудесах Авзентинии. Что касается языка, Кабеза пользовался невероятной смесью кастильского, английского и языка Вещих. Окрестные селяне отмахивались от самозваного пророка, считая его прорицания бреднями сумасшедшего.

Тем не менее отзвуки его ежегодных речей добрались до Бостона... и с ними название «Авзентиния», встречавшееся, кроме них, лишь в письме Бронсона. Еще валил мартовский снег, когда Майлз и Тео выехали на запад.

– К тому времени, когда мы отыскали домик на дереве, служивший жильем Кабезе де Кабре, – продолжал Майлз, – уже кончался апрель. Его мертвое тело давно успело стать пищей ворон.

– Брр, – содрогнулась миссис Клэй.

У Шадрака вырвался разочарованный вздох:

– Вы хоть в домике что-нибудь разыскали? Не выяснили, откуда он вызнал об Авзентинии?

– Кабеза де Кабра вел почти звериную жизнь, – нахмурился Майлз. – Одевался в шкуры, спал на клочках грязного меха... Ни горшков, ни сковородок, ни инструментов, ни книг. Чем питался и как – до сих пор никакого понятия не имею. Мы из его клоповника чуть с пустыми руками не ушли... спасибо Тео – заметил кое-что, без него я наверняка пропустил бы!

– А я это заметил только благодаря некоторым картографам, оставшимся дома, которых я время от времени вспоминал, – чуть заметно улыбнувшись Софии, добавил Тео. – Что-то вроде занавески... или, скорее, ширмы, не знаю. Такой квадрат темной материи, приколоченный на окно для защиты от солнца. Я чему удивился – смотрю, чистый на удивление... в такой-то грязище! Мы вытащили гвозди и сняли его. И, как и следовало ожидать, стоило ему чуток потрепыхаться на ветру...

– Это карта была! – воскликнула София.

– Именно, – подтвердил Майлз. – Впрочем, если вы с Шадраком сумеете хоть как-то осмыслить, я точно самую свою толстую ушанку съем!

– Тащите же ее скорее сюда! – потребовал Шадрак. – Да, и ушанку смотри не забудь. Можешь ее сразу на блюдо из-под торта положить.

– Напугал! Сперва карту-то посмотри, после будешь пугать!

Тео исчез в кабинете Шадрака, где они с Майлзом оставили рюкзаки, и вскоре вернулся с объемистым белым свертком примерно в локоть длиной. Шадрак и миссис Клэй

приготовили стол, убрав с него посуду, и Тео осторожно развернул ткань. Внутри обнаружился квадрат материи листовенно-зеленого цвета.

Лоскут поначалу казался совершенно непримечательным. Края были истрепанными и потертыми, но собственно поверхность оставалась чистой, неповрежденной и гладкой. Тео бережно перевернул ткань... София и Шадрок разом ахнули. Другая сторона лоскута оказалась сплошь покрыта мельчайшим бисером, даже мельче зернышек перца, и каждая бисерина – аккуратно нашита.

– Вот именно, – сказал Тео в ответ на восторженные ахи и охи. – У нас тоже глаза на лоб полезли, когда мы это увидели, но что к чему, я только потом сообразил. Сами видите, бисер-то ни в картину не складывается, ни в узор.

– Металл, глина и стекло, – выдохнула София.

– Какая работа! – склоняясь над столом, восхитился Шадрок. – Никогда подобной техники не видел! Какой дивный метод, простой и красивый! Это ж кто додумался включить другие слои непосредственно в погодную карту? Гений, да и только.

– Таких карт я по Нохтландской академии не припомню, – озадаченно вставила миссис Клэй.

– Ну, кое-кто здесь картологических академиев не кончал, – сказал Майлз. – И мистер Шадрок ни разу не изволили поведать мне о таинственных техниках, которыми здесь все восхищаются.

– Не изволил? – возмутился Шадрок. – Да я сколько раз порывался тебе объяснить! А ты мне что отвечал? Дескать, никакие изображения не заменят вольного воздуха полевых изысканий... На том все и кончалось!

Тео расхохотался:

– Он и меня так же слушал.

– Сами скучищу разводите, а я еще и виноват, – фыркнул Майлз. – Так оно хоть на что-то годится, хотелось бы знать?

– Еще как годится! – с энтузиазмом принялась объяснять София. – Можно узнать обо всем, что происходило в определенном месте в определенное время! Матерчатая карта обычно отражает погоду. Если наложить ее на другие слои, на другие карты памяти – глиняную, которая показывает состояние земного покрова, металлическую, запечатлевшую все рукотворное, и стеклянную, показывающую события человеческой жизни, получается самое полное впечатление о происходившем.

Шадрок поднял голову, его глаза светились восторгом.

– Эта же карта, – подхватил он, – отменяет нужду в отдельных слоях, ибо сочетает глиняные, металлические и стеклянные бусины. Это не просто инновация – прорыв!.. Кроме того, я ни разу еще не встречал карты, выполненной в золоте... вероятно, из-за дороговизны... однако этот бисер, несомненно, из золота! – Он помолчал. – Софочка, стеклянные бисерины видишь? На первый взгляд здесь больше всего глиняных, золота примерно четверть, и...

– И пять штук стеклянных, – вставил Тео. – Я чуть не ослеп, пока разглядел!

И он одну за другой показал все пять бусин, спрятанных в сложных извивах карты среди остальных.

– Пятеро человек? – подала идею миссис Клэй.

– Может быть, и больше, – сказал Шадрок. – Но, кажется, не намного.

– Человеческая жизнь довольно скромно представлена, – задумчиво проговорила София.

– Я и говорю, ничего особо полезного, – сказал Майлз. – Сами увидите.

Тео приподнял лоскут и дохнул на него, так что материя затрепетала. Затем опустил карту на стол вышивкой вниз. По тканой поверхности тут же разбежалась тонкая сеть белых линий.

– Теперь, когда карта сработала, – с предвкушением проговорил Шадрак, – определимся со временем!

Он указал на гнездышко концентрических кругов в углу карты. Внешний и следующий имели по шестьдесят делений, третий насчитывал восемь, а самый внутренний – двенадцать.

– Секунды, минуты, часы, дни, месяцы... – пробормотал Шадрак. – И они не принадлежат к счислению Нового Запада. Года вообще нет... София!

Она уже открывала буфет:

– Ячмень подойдет? Рис?

– Рис, я думаю.

После недолгих поисков девочка вернулась с горсткой риса и все высыпала на стол. Шадрак с улыбкой посмотрел на нее:

– Выбирай.

София, совершенно счастливая, положила по зернышку в каждый круг. Ощущение было такое, словно вернулись добрые старые времена: опять они, как когда-то, вместе возились над картами.

– Просто чтобы легче было запомнить, – отвечая на дядину улыбку, сказала она. – Итак, берем четвертое апреля... четыре часа, четыре минуты и четыре секунды.

Они одновременно коснулись пальцами белых линий, тянувшихся по ткани. В сознании Софии ярко вспыхнуло воспоминание о месте и времени, где она никогда не бывала. Повсюду расстилалась сухая пустынная местность. Ровная земля местами поросла невысоким темно-зеленым кустарником. В пыльной дали поднимались в небесную синеву несколько холмов... Небо было ярким настолько, что ослепляло. Немилосердно палило солнце, от сухого жара перехватывало дыхание. Воздух был совсем неподвижен. Еще несколько мгновений София мысленно разглядывала засушливую равнину... Потом отняла палец.

– Хм, – отозвался Шадрак.

Он сидел, откинувшись в кресле, сложив руки на груди.

– Я вам вот что скажу, – добавил Майлз. – Там повсюду одно и то же. Жарко, сухо и – нигде никого. Вот и вся польза!

– Нет, так не бывает, – возразил Тео. – Зачем тогда металлические бисерины? О стеклянных я и вовсе молчу. Где-то на этой карте должны быть и люди, и уйма всего ими сделанного. Деревня, город, дороги всякие... Надо их просто найти, а на это у нас пока времени не было. Я к тому, что карта охватывает целый год, примерно столько и понадобится провести во всех изображенных на ней местах. А покрывает она сто квадратных миль, если не больше.

Майлз покачал головой:

– Эту карту прочесать всей жизни не хватит. Нет уж, спасибо! Вот вам карта, сами с ней и возитесь. А я уж лучше живьем там побываю!

Шадрак задумчиво проговорил:

– Думается, это где-то в Папских государствах...

– Согласен, – кивнул Майлз. – Пейзаж вполне соответствует. Осмелюсь даже

предположить, что перед нами южная часть полуострова.

– Именно. Тем более что Кабеза де Кабра предположительно прибыл из Папских государств.

– Так здесь, возможно, его воспоминания и запечатлены? – предположила София.

– Или чьи-то еще, но карта, скорее всего, приехала с ним вместе из-за океана, – подвел итоги Шадрак. – Разве что... Разве что ее вышили непосредственно в Индейских территориях, используя воспоминания Кабезы де Кабры.

София разглядывала сплетение белых линий, испещривших полотняный квадрат. Подробности услышанного постепенно укладывались в сознании. Кабеза де Кабра толковал об Авзентинии. Явился же он из Папских государств, а карта запечатлела целый год, прожитый в тех краях. Связь выглядела очевидной, но больше они ничего определенного не узнали. Может, Кабеза де Кабра вовсе и не об Авзентинии говорил. Мало ли как исказилось слово, много миль летевшее из уст в уста! София прищурилась и решила: как бы то ни было, карта все же могла содержать в себе некий важный секрет. Они всего лишь прикоснулись к ней – почему знать!

Размышления девочки, равно как и беседу, продолжавшуюся без ее участия, прервал неожиданный стук в парадную дверь. Потом постучали еще – быстро, несильно. Парадной дверью в доме тридцать четыре никто никогда не пользовался. Все замолчали, и в наступившей тишине звук повторился. Миссис Клэй поднялась на ноги, занервничав:

– Кто бы это мог быть?..

Шадрак нахмурился:

– Из министерства, наверное...

Миссис Клэй вышла из кухни. Удалился стук ее каблучков по дереву половиц.

Все ждали, прислушиваясь. Она открыла дверь... Прозвучал мужской голос: кто-то представился. Очень скоро миссис Клэй возвратилась, ведя худощавого мужчину в светло-сером пиджаке.

– Блай? – вскакивая, удивился Шадрак. – Что случилось?

– Прошу извинить меня за то, что прерываю ваш праздник, – сказал премьер-министр Блай.

От него не укрылось ни присутствие гостей, ни царившая в комнате атмосфера, не говоря уже о наполовину съеденном торте.

– К сожалению, обстоятельства требуют безотлагательных действий. Прямо сейчас сюда направляется Бродгёрдл. Он собирается убедить тебя, друг мой, в необходимости расторгнуть договора, заключенные с Индейскими территориями. Он определенно располагает козырями, могущими воздействовать на твое решение, но какими именно, мне доподлинно неизвестно. Он не знает, что я прослышал о его намерениях, и подавно – о моем присутствии здесь. Тем не менее я счел за благо предупредить...

Шадрак с ужасом смотрел на него, ушам своим не веря:

– Расторгнуть? Договора?.. Это же все равно что войну объявить...

Блай покачал головой:

– Забудем об этом пока. Как ты полагаешь, что у него может на тебя быть? О чем он проведал таком, что способен причинить тебе боль? И что мы можем предпринять, дабы выбить у него из рук оружие?

– Ну... я не знаю... – Шадрак запустил в волосы пятерню. – Возможно, он блефует. Но может и что угодно пустить в ход... Это зависит от того, насколько сильно он намерен сам

замараться!

Рот Блая превратился в одну прямую черту.

– Полагаю, – сказал он, – до предела...

И тут же в парадную дверь забарабанили снова. На сей раз – громко и непрерывно. Все замерли на местах.

– Надо впустить его, – коротко бросил Блай. – Иначе будет выглядеть подозрительно.

Шадрак с усилием перевел дух:

– Майлз, отведи Блая в хранилище карт. Не показывайтесь оттуда, пока я сам не приду...

София, Тео, – ступайте вверх. Миссис Клэй! Я приму Бродгёрдла в кабинете.

И он быстро свернул карту.

– Как скажете, мистер Элли... – дрожащим голосом выговорила миссис Клэй и вышла из кухни.

Блай следом за Майлзом удалился в противоположном направлении.

София стояла неподвижно. Ноги точно приросли к полу.

– Идем. – Тео потянул ее за руку.

– Все будет хорошо, – сказал Шадрак и легонько сжал ее плечо. – Ступай, Софочка. Я вас потом всех позову.

20 февраля 1881 года

Я цеплялась за кусок мачты «Пустельги», а кругом вздымались волны, усеянные обломками корабля. В небе царила все та же непроглядная темень, однако завывание лютоотравов утихло, и я расслышала далекий голос, звавший меня по имени:

– Минна! Минна!..

Это подавал весть мой муж. Я закричала в ответ так громко, как только могла, невзирая на боль в горле, раздраженном соленой морской водой. Спустя некоторое время он услышал меня.

– Где ты? – крикнул он. – Подай голос, я к тебе поплыву!

Я выкрикивала его имя, кашляя и хрипя. Наконец мне показалось, что ярость волн немного улеглась, и вот уже я рассмотрела кусок дерева, двигавшийся в мою сторону. Это был целый щит, выломанный из палубы. Бронсон стоял на коленях и греб обломком доски. Он осторожно вытащил меня из воды на импровизированный плот, где мы с ним и повалились друг дружке в объятия, совершенно выбившись из сил.

Впрочем, мы недолго радовались спасению. Как-никак, мы остались совершенно одни посреди бескрайней водной пустыни. Я бы, наверное, заплакала от отчаяния, но мое тело и разум были предельно утомлены. Я не то уснула, не то лишилась чувств, не то просто поплыла в бесконечной пустоте полночного океана...

Когда же я вновь начала осознавать кругом себя мир, первое, что почувствовала, – объятия Бронсона. Волны вокруг нас успокоились настолько, насколько это вообще возможно в открытом море, а небо понемногу светлело. Только тогда я сообразила, что меня потревожили человеческие голоса, и принялась расталкивать Бронсона.

Мы с ним разом обернулись навстречу подходившему судну. Размерами оно походило на погибшую «Пустельгу», носовая же фигура изображала русалку с руками, вытянутыми вперед; она держала в ладонях птичку. «Гнездышко», гласило название, начертанное изящными белыми буквами. Корабль медленно приближался, двое матросов уже сбросили через борт веревочную лестницу. На несколько мгновений я даже усомнилась в реальности происходившего. Такого везения не бывает!

Учитывая название судна, его знакомый облик и оснащение, а также громкие выкрики на английском языке, мы с Бронсоном успели решить, что оно шло с Нового Запада. И в самом деле, капитан Рен, встретивший нас на палубе, подтвердил, что они отплыли из небольшого порта в Северном Мэне; его наименование ничего нам не сказало. Капитан оказался человеком исключительно высокого роста, как, впрочем, и все его моряки. Пронзительный взгляд голубых глаз определенно свидетельствовал и об авторитете капитана, и об участии по отношению к нам в нашей беде.

Он немедленно пригласил нас в свою каюту, где предложил сухое платье и по бокалу согревающего вина. Капитан любезно дал нам время умыться и собраться с мыслями.

– Как только вы в достаточной мере оправитесь, я сочту своим долгом ознакомиться с обстоятельствами несчастья, постигшего ваш корабль, – проговорил он официальным, даже

чопорным тоном: немалая редкость для морского капитана. – Впрочем, я понимаю, что сейчас вы совершенно без сил. Прошу вас, отдохните пока. Когда же будете готовы, разыщите меня на палубе.

Мы с мужем тепло поблагодарили его за доброту и не замедлили воспользоваться великодушием капитана.

...Бронсон часто говорил потом, что я обманулась так же, как и он сам, потому-то и не подметили ничего странного в том, что касалось капитана Рена и его экипажа. Муж полагает, что мы были весьма не в себе после трагической гибели «Пустельги» и ночи, проведенной на утлом плоту; где уж тут проявлять наблюдательность, не говоря о бдительной настороженности! Тем не менее я настаиваю, что моя память ничем не замутнена; более того, берусь утверждать – еще в первые секунды в каюте капитана Рена... нет, даже когда он только приветствовал нас на палубе «Гнездышка»! – я заподозрила, что он не тот, за кого себя выдает.

Взять хоть одежду, которой он нас снабдил. Слишком уж хорошо она была сшита. Думайте что хотите, но в ней мне сразу стало как-то не по себе. Изысканная работа, тонкая ткань... Я уже упоминала, что Рен и его люди – высоченные как на подбор. И еще – у них невероятно ровные и белые зубы. Таких здоровых и ухоженных моряков попросту не существует. Убранство каюты капитана Рена тоже весьма мало напоминало судовое жилище капитана Гиббонса. Трудно даже объяснить, что в ней было не так, но половина вещей казалась совершенно новенькой, ни разу не использованной... а другую половину, наоборот, словно закупили в лавочке старинных диковин. Вытираясь полотенцем, я заметила на столе несколько морских карт. Иные были напечатаны на бумаге удивительной белизны: я такой, право, ни разу не видела. В то же время увеличительная лупа – бостонской, кстати, работы, в точности как принадлежавшая капитану Гиббонсу – выглядела так, словно ею пользовались не первый век. Деревянная ручка растрескалась и почернела: ни дать ни взять пересекала Атлантику в тысяча первый раз. Теперь-то, задним числом, все это более чем очевидно. А тогда я только понимала, что в каюте капитана Рена мне очень не по себе. Что-то определенно было неправильно, но что?..

Я так и сказала Бронсону, когда мы с ним возвращались на палубу. Я спросила мужа:

– Как по-твоему, что за человек наш капитан?

– Думаю, неплохой малый, – ответил он. И легонько взял меня за подбородок: – Выше голову, любовь моя! Теперь мы в безопасности.

– Да, ты прав. Мы в безопасности, – сказала я и добавила, помолчав: – Тебе, однако, не бросается в глаза, что капитан и его люди... немного странные, что ли? Как-то не похожи они на мэнских уроженцев, которых я до сих пор видела...

Бронсон рассмеялся:

– Верно. Но они могут быть и не из Мэна. Капитан всего лишь сказал, что они отплыли оттуда, но это ничего не говорит об их происхождении. – Он приобнял меня за талию: – Ни о чем не тревожься, родная. Желай он в самом деле причинить нам вред, бросил бы на милость океана, и все!

С такой логикой не поспоришь. Мое беспокойство вскорости улеглось само по себе, убаюканное дружелюбием капитана, – хотя очень многое, касавшееся корабля и людей, все так же производило странное впечатление.

Капитан Рен желал знать все подробности нашего злключения.

Бронсон начал с того, что показал ему письмо Бруно Касаветти, послужившее поводом

для нашего путешествия:

2 декабря 1880 года

Мои дорогие друзья, Минна и Бронсон!

Пишу вам, пребывая в превеликой нужде и отчаянии, взываю о помощи!

Как вы помните, шесть месяцев тому назад я отбыл из Бостона, имея целью нанести на карту границы между Срединными Путиями и Папскими государствами. Не буду вдаваться в подробности того, каким образом изменилась первоначальная цель путешествия и как я лишился всякой возможности исполнить поставленную задачу. Знайте, друзья мои: произошло нечто ужасное. Здесь, в этом месте, которое я, как мне казалось, очень хорошо знал, обнаружилась новая эпоха. Объяснить, откуда она взялась, я не могу. Как бы то ни было, она принесла с собой страх, нетерпимость и жестокие преследования.

Это письмо я пишу тайно. Самый листок мне доставило дитя, спасенное мною от участи, которой ваш покорный слуга избежать не сумел. Несчастное дитя было обвинено в колдовстве; меня также объявили пособником нечисти. Дело в том, что здешний край подвергся ужасающему моровому поветрию; жители называют его «лапена». Соответственно, люди склонны во всем усматривать дьявольщину и колдовство. Я сумел отвести их подозрения от девочки по имени Розмари, но обвинения против меня выглядят гораздо серьезней... к тому же меня никак не назовешь милым дитятей, урожденным в данной эпохе. В настоящее время я сижу в узилище города, именуемого Муртия (в книгах Шадрака мне также встречались наименования «Мурсия» и «Мурзия», так что могу и ошибаться), и судья постепенно копит улики против меня. Поверьте, я не вызвал бы вас сюда без крайней нужды, но, похоже, вы составляете единственную мою надежду спастись. Розмари отвезет это письмо в один удаленный город; оттуда королевской почтой оно доберется до морского порта, а там, я надеюсь, его заберет какой-нибудь путешественник, направляющийся в Бостон... К сему прилагаю карту и подробные указания, как отыскать Розмари. Защитите ее, если сумеете: она никоим образом не виновата в том, что со мною произошло.

Еще раз простите меня, друзья, за то, что нарушаю ваши планы зовом о помощи... Итак, отдаю свою жизнь в ваши руки!

Бруно Касаветти

– Похоже, дело вправду нешуточное, – согласился капитан Рен, возвращая письмо. – Значит, вы надумали лично откликнуться на просьбу?

Мы описали ему наше плавание на борту «Пустельги» и жуткое столкновение с лютоотравами. Когда дошли до существ, уничтоживших корабль, глаза капитана вспыхнули возбуждением.

– Никогда с лютоотравами не встречался, – выговорил он приглушенным голосом, благоговейно. – Зато наслышан более чем...

– Если честно, – сказал Бронсон, – до вчерашнего дня мы сами считали их выдумкой. Ни

за что бы не поверил, что такие создания вправду возможны, если бы своими глазами их не увидел!

– И я бы прежде нынешнего утра так рассуждал, – согласился капитан Рен. – Другое дело, что-то во мне всегда желало в них верить...

– Желало? – удивилась я. – Почему, капитан? Лютотравы показались мне беспощадными...

– Это верно, – слегка смутился Рен.

Он носил монокль с янтарным стеклом на золотой цепочке, имея привычку в непринужденной обстановке вертеть его в руке. И вот теперь монокль неожиданно замер.

– Праздное любопытство, знаете ли... – Он сменил тему: – Я с легкостью доставлю вас в Севилью, если вам по пути.

– По пути, – кивнул Бронсон. – Надеюсь, это не вынудит вас слишком отклониться от курса?

– Ни в коем случае, – заверил капитан Рен, ловко избегнув упоминания о пункте своего первоначального назначения. – Впереди еще десять дней плавания; надеюсь отдать должное общению с вами!

От этой перспективы его загорелое лицо просияло белозубой улыбкой. И действительно, он, по всей видимости, наслаждался нашими разговорами. В течение нескольких последующих дней мы поведали ему о прошлых поездках, о милой дочурке Софочке, о том, что в этот раз собирались взять ее с собой, но передумали из-за опасностей, упомянутых в письме бедного Бруно. Сам капитан засыпал нас вопросами о Бостоне; впрочем, на то у него имелась вполне вменяемая причина: по его словам, он происходил из далекого и уединенного уголка Семинолы и ни разу не был в столице. Я бы вполне поверила капитану, не уклоняйся он всячески от рассказов о крае, который называл домом. Еще больше настораживало то, что он и о Новом Западе как таковом ничего не знал.

Подобное невежество объяснить было поистине трудно. С одной стороны, он проявлял удивительную осведомленность о некоторых частностях ново-западной жизни – и следом же задавал вопрос или вворачивал фразу, повергавшую нас в полное недоумение. Удивительно ли, что на третий вечер за такого рода беседами растущее беспокойство побудило меня к попытке припереть его к стенке. Мы как раз повествовали о поездке, предпринятой нами несколькими годами ранее: речь шла о посещении Индейских территорий. Бронсон, отлично владевший рисовальным пером, иллюстрировал наш рассказ, делал быстрые наброски мест и людей, которые встречались нам по пути. Капитан Рен наклонился над столом, передвинувшись на краешек стула. Руки, бронзовые от загара, сжимали одна другую, голубые глаза светились жгучим интересом: мы рассказывали, как пересекали верхнюю часть штата Нью-Йорк, направляясь к городу Шести наций.

– Никогда не бывал в городе Шести наций, – сказал капитан. – Какой он?

– О, это крупный торговый центр, – ответил мой муж. – Отчасти напоминает Чарльстон или Нью-Йорк. Выходцы из всех Территорий и уроженцы Нового Запада живут там и торгуют, причем довольно-таки миролюбиво...

– Встречал я одну женщину из народа Вещих, – заметил Рен. – Она говорила, этому городу больше подошло бы название не Шести наций, а Шестидесяти, столько там всяческих племен и языков!

Мы с Бронсоном переглянулись.

– Воистину, – наконец проговорил мой муж.

– Так вы встречались с Вещими? – спросила я. – Немногие жители Нового Запада могут этим похвастаться!

Капитан Рен откинулся в кресле и некоторое время как будто не знал, что и сказать.

– Ну... вел я с ними торговые дела некоторое время назад.

Настал наш черед обменяться взглядами, полными недоумения.

– На Новом Западе о них чего только не рассказывают, – сказал Бронсон. – Вот только доподлинно известно очень немногое. Говорят, они несравненные целители, явившиеся после Великого Разделения откуда-то с тихоокеанского побережья. Это так?

– Трудно сказать, – заколебался Рен, но потом все же выговорил: – Да, думаю, так и есть.

Я настойчиво продолжала:

– До их территории очень трудно добраться...

– В самом деле? – осторожно проговорил капитан. – Ну, мы проходили в Великие озера с северной стороны, не посещая Нового Запада... возможно, я срезал путь и сам того не заметил.

Мы с Бронсоном снова переглянулись, на сей раз со значением.

– Великие озера? – переспросила я. – Должно быть, вы имеете в виду Жуткое море? Дело в том, что название «Великие озера», насколько мне известно, на Новом Западе не употребляется.

Рен даже покраснел.

– Да, конечно, я имел в виду Жуткое море. Озера... морская терминология, знаете ли. Называть эти ледяные поля морем, оно как-то... ну, вы понимаете.

К этому времени отрывочная информированность капитана сделалась очевидна даже Бронсону. Мы обсудили это обстоятельство, оставшись наедине, и пришли к совместному выводу: что бы ни скрывал капитан Рен, вряд ли речь шла о тайном недоброжелательстве по отношению к нам. Казалось, он очень искренне беспокоился о нашем благополучии и удобстве. Все вместе побудило меня разведать причину его внезапного смущения. Право, я полагала, что она причина многое прояснит и не окажется предосудительной.

– Похоже, вы очень коротко знакомы с отдельными аспектами жизни Нового Запада, капитан Рен, – проговорила я уважительно, – в то время как другие ее обстоятельства вам совершенно неведомы. Как так получилось?

Он довольно долго молчал, пораженный прямоотой моего вопроса. Потом улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами:

– Я впервые отправился в море еще мальчишкой. Всю жизнь провел на палубе корабля, так и не озаботившись получить официальное образование. Прошу вас, извините мое невежество. Я слишком многое узнавал из вторых рук, и, боюсь, дошедшие до меня сведения порой бывали далеки от истины.

Мы с Бронсоном молча выслушали его объяснения, и лично меня они ни в коей мере не удовлетворили. Супруг мой был настроен снисходительнее; не оттого, что полностью доверял Рену, – скажем так, он верил в добрые намерения капитана.

Вежливость удержала меня от дальнейших расспросов, поэтому в тот вечер мы больше ничего не узнали. Увы, я отмахнулась от здравого смысла. Все говорило о том, что капитан Рен осведомлен о Новом Западе действительно понаслышке; знать бы еще, чего ради он так старательно изображал прямо противоположное...

Итак, я промолчала, позволив длиться обману...

Парламентарий Гордон Бродгёрдл

Сколь немногочисленны путешественники, самолично встречавшие Вещих, столь же изобильны слухи об этом народе. Последний документально подтвержденный контакт имел место в 1871 году, когда покалеченный исследователь из Нью-Йорка в зимнюю бурю укрылся у одного Вещего. Этот человек повредил ногу, поскользнувшись на льду, и несколькими часами позже его обнаружил Вещий. Позже пострадавший рассказал, как пережил двухдневную бурю в убежище, выстроенном в сосновом лесу к югу от Жуткого моря. По его словам, очнувшись, он увидел повязку у себя на ноге и обнаружил, что следы обморожения успели пропасть. Остается лишь предположить, что разум его был затуманен долгим пребыванием на морозе...

Шадрак Элли. История Нового Запада

2 июня 1892 года, 18 часов 11 минут

Неохотно выйдя из кухни, София прошла за Тео по коридору, потом поднялась на третий этаж. Они стояли уже на площадке, когда снизу долетел раскатистый голос, повелительный, тяжелый, голос человека, привычного к выступлениям перед публикой. Он гудел, без труда заполняя весь дом.

– Любезнейший Шадрак! Прости за внезапное вторжение, но я решительно не мог дожидаться утра...

Тео замер, держа руку племянницы. Его пальцы сжались с неожиданной силой.

– Ой, – вырвалось у Софии. Она попыталась отнять руку и удивленно вскинула на него глаза. – Ты что?

На его лице отражалась суцая паника. Раньше София видела друга таким лишь однажды... только припомнить не могла где и когда. Тео и страх казались такими несовместимыми, что ей стало не по себе.

– Что такое? – прошептала она. – Что стряслось?

Тео посмотрел ей в глаза.

– Надо идти вниз, – ответил он так же шепотом. – Сейчас же...

– Да что случилось?

– Ничего. Просто пошли.

Но девочка мешкала. Ее беспокойство росло с каждым мгновением.

– Шадрак нам велел сидеть наверху...

– Нас не увидят.

Он знай тянул ее за руку, и София сдалась. Сперва ей показалось, что Тео ведет ее обратно на кухню, но он открыл ближнюю дверцу – в чулан под лестницей. Тихонько миновал швабру, мусорное ведро, неустойчивую стопку шляпных картонок... опустил на

колени на деревянный пол. Обернулся к Софии, предупреждаяще прижал палец к губам. Она приблизилась и опустилась рядом на корточки.

– Смотри... – Тео указал ей щелку в стене.

София прижалась лицом. Оказывается, щель позволяла заглянуть в кабинет: по ту сторону до потолка возвышались книжные полки. Она обернулась к Тео и возмутилась, насколько позволял шепот:

– Этого здесь не было раньше!

– Ш-ш-ш! – сделал страшные глаза Тео. – Я обои в кабинете подрезал. Там шкаф, никто не заметит... – И вновь повернулся к стене. – Что ты видишь?

София только головой покачала:

– Ушам своим не верю! Обои подрезал!.. Да тут и смотреть не на что...

– А я думаю, очень даже есть. Если потрудишься посмотреть!

София поглубже вдохнула, решившись на время отложить свое возмущение. И снова припала к щели. Прямо перед ней были верхние части корешков нескольких книг. Осторожно опустившись пониже, она увидела спинку хозяйского кресла, дядины затылок и плечи. Чуть дальше, у задернутого занавеской окна, сидел черноволосый здоровяк, знакомый ей лишь по иллюстрациям в бостонских газетах: парламентарий Гордон Бродгёрдл. Он был одет в серое с черным и держал на коленях темно-серую фетровую шляпу. Только тут София сообразила, что в комнате царило молчание. Шадрак рассматривал открытую книгу.

София отвернулась от щелки и сообщила Тео:

– Шадрак что-то читает, а Бродгёрдл так сидит.

– Как он выглядит?

– Шадрак?

– Нет. Бродгёрдл.

Она села поудобнее, прислонилась к стене.

– Расслабленный. Самоуверенный. – Помедлила и добавила: – Жутковатый такой... Не знаю почему.

– Да я не о том... Выглядит он как?

– А-а... Очень высокий, широкоплечий. Волосы черные, борода веником, усы такие... помятые. И глаза его мне не нравятся...

– А зубы?

– Зубы? – От удивления она всем телом обернулась к нему.

– Да. Зубы, – повторил Тео взволнованно.

Вот тут София припомнила, где и когда она видела этот панический ужас на физиономии Тео. В Веракрусе, почти год назад, когда их гонял по тамошнему рынку налетчик с острыми металлическими зубами.

– Так ты его узнал, – тараща глаза, прошептала София.

– Я голос его узнал, – ответил Тео. – Другого такого в жизни не слышал. Не знаю, то есть я и ошибиться могу... бывают же совпадения... Ты зубы его видишь или нет?

София предприняла еще попытку.

– Не вижу. Он закрыв рот сидит, – ответила она очень серьезно. – Думаю, будь у Бродгёрдла зубы железные, уж кто-нибудь о них да упомянул бы... На Новом Западе ни у кого таких нету! – Помолчала и спросила: – А почему сам не помотришь?

Тео глубоко вдохнул и выдохнул. Вытер ладони о штаны:

– Ладно, ладно... сейчас гляну.

Сунувшись вперед, он припал к щелке. Выждал несколько секунд, отстранился.

В это время Шадрак заговорил. Негромко, устало и словно защищаясь.

– Этого я не писал, – расслышали ребята в чулане.

София тотчас подалась к щели. Бродгёрдл улыбался, показывая два ряда зубов. Очень крупных и очень белых.

– Возможно, – сказал он, – пока не писал.

– Ни прежде, ни теперь, ни когда-либо... Не писал этого и не напишу. Это не я.

– Шадрак, друг мой, – убедительным тоном проговорил Бродгёрдл, наклоняясь вперед так, что его мощные плечи заполонили все пространство между двумя мужчинами, – ты пойми, какая открывается перспектива! Мы ведь отстали, страшно отстали! И эти карты тому подтверждение!

– Не разделяю твоего взгляда на вещи, – ответил Шадрак. – Тебе известно, что в отношении Индейских территорий я придерживаюсь строго определенной политики. Это не наша земля!

Бродгёрдл поднялся и старательно водрузил на голову шляпу.

– Я просто хочу, чтобы ты хорошенько обдумал свой следующий ход, Шадрак. У тебя есть выбор: можешь поступить правильно, а можешь – неправильно. И я буду очень-очень рад, если ты поступишь правильно. – Он по-прежнему улыбался, жесткие усы всюду топорщились, шевелились, только тепла в его улыбке не наблюдалось ни малейшего. – Счастливо оставаться, Шадрак. Увидимся завтра в министерстве. Не провожай, сам выход найду... – И кивнул: – Книгу себе оставь.

И Бродгёрдл вышел из кабинета. Шадрак остался неподвижно сидеть.

– Ничего не понимаю, – взволнованно прошептала София, пока Тео еще смотрел. – Что за выбор? О чем он вообще?..

Тео не ответил. Девочка повернулась и увидела, что он безвольно обмяк под стеной, а на лице была безнадежная тоска. И еще боль.

– Тео, – прошептала она и взяла его руку со шрамом. – Это он? Твой знакомый?

Тео выдохнул почти беззвучно:

– Он...

– Но у него белые зубы! Самые что ни есть нормальные...

– Он их чем-то покрыл. Костяными коронками или еще чем...

– Кто он? Еще один налетчик?

Тео замотал головой:

– Не хочу об этом говорить...

София нахмурилась. Она уже собиралась накинуться на Тео с упреками, но услышала, что Шадрак поднимается с кресла. В щелку было видно, как он открывает потайную дверь в хранилище карт.

– Майлз, Блай!.. Он ушел, – крикнул Шадрак.

И опять сел, верней, рухнул в кресло.

Двое вскорости появились в кабинете. Премьер-министра София разглядеть не могла, но Майлз тотчас подошел к хозяину дома и требовательно спросил:

– Ну? Что он сказал?

Шадрак протянул ему книгу:

– Дал мне это...

Блай поспешил к Майлзу, заглянул ему через плечо. Путешественник сперва нахмурился,

разглядывая обложку, потом принялся торопливо листать.

– И чего ради он тебе этот мусор принес?..

Шадрак не ответил.

– Кажется, я понимаю, – тихо проговорил Блай, серые глаза премьера смотрели печально. – Он пытался внушить тебе, будто ты уже встал на этот путь. Показал будущее, которого якобы нельзя избежать...

– И все из-за... вот этого? – возмутился Майлз. – Чушь какая!

– Самая что ни есть, – с бесконечной усталостью ответил Шадрак. – Однако Сирил прав. Именно этого он и хочет. Я, естественно, не поддался...

– И каковы же будут последствия?

– Он не сказал, – покачал головой Шадрак. – Обещал разговор назавтра.

– Со всех сторон обступили, – тихо проговорил Блай. Шадрак вопросительно посмотрел на него, и премьер добавил: – Я как раз рассказывал Майлзу, о чем сегодня сообщил мне Лоранж. Пока Бродгёрдл пытается расторгнуть договора, заключенные с Индейскими территориями, Объединенные Индии грозят устроить эмбарго, если не откроем границы...

Шадрак испустил вздох:

– Такое эмбарго нас попросту разорит. Индии – это же половина нашей торговли! В Бостоне голод начнется...

– Именно так. Нужно любой ценой это остановить! – Блай положил руку Шадраку на плечо. – Впрочем, хватит тебе забот на один вечер! Отдохни пока. Завтра все обсудим.

Шадрак поднялся.

– Спасибо тебе, Сирил. Только, боюсь, ночь будет бессонной... А еще, – добавил он, – нам, кроме этого, нужно кое-что обсудить. Я говорю о Вещих!

Майлз покачал головой:

– Я ему рассказал, пока сидели внизу. В этом году мне не удалось их отследить.

Премьер-министр невесело вздохнул:

– Бедная Златопрут... Боюсь, друзья мои, она так и умрет у нас на руках!

– Жаль, что я вас подвел, – с искренним сожалением проговорил Майлз. – Я был уверен, что вскорости их найду. Правду сказать, присутствие Тео слегка сдерживало меня... хотя так и этак я должен был возвращаться. Мой лучший информатор сообщил, что Вещие удалились в Доисторические Снега, а значит требовалась совершенно по-иному организованная экспедиция...

Шадрак спросил его:

– Так ты на север собрался?

– И не далее чем к концу текущей недели. В Снега!

– Отлично, – сказал премьер, выходя из кабинета.

Звук его шагов постепенно отдалился.

– Только, боюсь, Златопрут до конца лета не доживет, – донеслось из коридора.

– Уж поверь, – негромко ответил Шадрак. – Мы все это понимаем.

И они с Майлзом покинули кабинет вслед за Блаем. София нахмурилась, сидя возле стены. Потом повернулась к Тео, намереваясь расспросить его про Вещих и Златопрут... и с изумлением обнаружила, что он успел пропасть из чулана.

Осенью и в начале зимы, перед тем как Тео уехал с Майлзом к берегам Жуткого моря, они с Софией часто засиживались за разговорами почти до утра. Спальня Тео – четвертая комната на третьем этаже, прежде населенная примерно пятью тысячами разрозненных карт, – была через коридор от Софиной, примыкая к стене, отделявшей дом тридцать четыре от соседнего. Тамошние обитатели почти каждый вечер заводили музыку на своем фонографе Эдисона – дивном изобретении, еще не получившем широкого распространения; по крайней мере, ни у кого из соседей его пока не было. София и Тео слушали эту музыку, иногда – слушали под разговоры, а то и вовсе не слушали, просто болтали. Иногда в поздний час на них нападала такая смешинка, что приходилось затыкать рты подушками из страха побеспокоить Шадрака. По ходу посиделок ребята нередко вспоминали прошлое лето: поезд в Новый Орлеан... плавание с пиратами... поездку в Нохтланд, схватку с Бланкой и ее големами.

София даже не понимала, насколько важны для нее были эти ночные беседы под эдисоновский фонограф, пока Тео не отбыл с Майлзом из города. Она тем более не отдавала себе отчета – пока Тео не исчез из чулана, – что на самом деле рассчитывала завершить этот вечер долгим и долгожданным разговором с лучшим приятелем... и хорошо бы из-за стены звучала приглушенная музыка. Когда Майлз с Шадраком вернулись в кабинет и спустились в картографическую, собираясь продолжить обсуждение визита Бродгёрдла, София потихоньку выбралась из чулана и поспешила наверх.

Дверь в комнату Тео была закрыта. София деликатно постучала. Ответа не последовало.

– Тео? – окликнула она и вновь постучала. – У тебя все в порядке? – Она выждала, прижавшись ухом к двери, мало-помалу начиная беспокоиться. – Тео, ты там вообще?

Послышался шорох. Тео подошел к двери с той стороны.

– Здесь я, – глухо долетело изнутри.

– Можно войти?

Последовала долгая пауза.

– Извини, – сказал он затем. – Я сейчас не в настроении.

Некоторое время София молча переваривала услышанное.

– Как хочешь, – сказала она наконец.

У себя в комнате она вытащила тетрадку, пытаясь справиться с безотчетной тревогой. Тео, несомненно, сильно напуган; она понимала его стремление спрятаться, затвориться сразу от всех. Только ее бы гораздо больше порадовало, надумай он искать утешение в ее обществе...

Некоторое время она писала и рисовала, заполняя страницу своего рода отчетом о прожитом вечере. Вот бисерная карта, вот портретик Блая, вот Бродгёрдл, подчеркнуто здоровенный, полный зла и угрозы. Когда с лестницы долетели шаги Шадрака, девочка посмотрела на часы. Надо же – два часа ночи!

– Не спишь? – спросил Шадрак, останавливаясь на пороге.

– Тебя ждала, дядя, – ответила она.

Он не двигался с места.

– Прости, что из-за меня тебе пришлось так засидеться...

– А что все-таки произошло?

По лицу Шадрака, и без того измученному, пробежала легкая судорога.

– Как и предупреждал Блай, Бродгёрдл выдвинул совершенно нелепое предложение, касающееся отмены договоров с Индейскими территориями... – Он взглянул на тетрадь,

лежавшую перед племянницей. – Мысли сегодняшние записывала?

София ответила вопросом на вопрос:

– А что имел в виду премьер-министр, когда говорил про козырь против тебя?

Шадрак провел ладонью по волосам:

– У Бродгёрдла есть мерзкая привычка разузнавать что-нибудь о человеке, а потом использовать это против него. Вот, к примеру, он обнаруживает, что я на самом деле никакой не картолог, что все мои карты нарисовали вы с миссис Клэй... да я же любую его просьбу выполню, только чтобы свой секрет сохранить!

Это было весьма убогое поползновение на шутку. София даже не улыбнулась.

– Он тебе угрожал?

– Нет, что ты. Не угрожал. Просто это очень гадкий человек, с которым мне и бодаться-то противно. Сегодня он еще прилично себя вел... – Шадрак улыбнулся. – Ты не думай, будь у нас причина для беспокойства, я бы тебе сразу сказал.

– В самом деле? Сказал бы?

– Конечно.

Шадрак ободряюще улыбнулся, но улыбка вышла пустой, а в глазах стояла тревога. Такое вот ободрение.

Папские государства, возникшие после Великого Разделения, историками прежних времен были бы отнесены, вероятно, к пятнадцатому столетию. Впрочем, не полностью: внутри Папских государств постепенно обнаружались вкрапления иных эпох. Одни оказались ненаселенными и малозаметными, другие не имели значения по своей малости; можно полагать, что на сегодняшний день обнаружены далеко не все. Однако есть исключение: эпоха столь отдаленная, что даже ландшафт не позволяет уточнить ее возраст. Эта эпоха, занимающая сотню квадратных миль на территории Севильи и весь восток Гранады, получила название Темной...

Шадрак Элли. История Нового Запада

3 июня 1892 года, 5 часов 32 минуты

На следующее утро Софию разбудил тихий звук. Она чуть приоткрыла глаза. Снаружи вливался серый свет ранней зари, было видно, что со вчерашнего в комнате ничто не изменилось. Опрятный письменный стол, над ним – рисунок Салема, ряды книг... подушки на деревянном стуле, одежда, сложенная на его спинке.

Чего София никак не ждала, так это темной фигуры возле окна.

– Шадрак?.. – пробормотала она.

Тень обернулась. София открыла глаза пошире... и узнала силуэт длинного дорожного платья. Тотчас комнату заполнил таинственный шепот:

– Недоумевая, все же не отвергай предложенного плавания...

Тут София как следует рассмотрела лицо. Это была Минна.

Девочка резко села в постели.

– Что?.. – так же шепотом спросила она.

Минна чуть улыбнулась. В предутреннем свете был хорошо виден материал, составлявший ее платье и самую плоть: она вся казалась сотворенной из мятой бумаги, полупрозрачной, но вполне вещественной. София видела сквозь нее очертания письменного стола.

– Недоумевая, предложенного плавания все же не отвергай...

София встала с постели, хотела шагнуть ближе.

– Предложенное плавание? О чем ты говоришь?..

Но фигура уже исчезла.

София таращила глаза, сердце бешено колотилось. Вот здесь, вот прямо здесь только что стояла ее мама!.. Потом девочка медленно села на постель. Как и прежде, явление Минны наполнило ее странной смесью радости и беспокойства. Что она имела в виду? О каком плавании шла речь? Загадка выглядела неразрешимой. Чтобы не поддаться унынию,

София напомнила себе: увиденное – знак, ниспосланный Судьбами. А удалось или нет ей понять услышанные слова – уже менее важно.

«Я еще не нашла в нигилизмийском архиве того, что ищу! – произнесла она мысленно. – Сегодня мне повезет!»

Она быстро натянула одежду, развешанную на стуле. Хлопчатую юбку с карманами, льняную рубашку на роговых пуговицах, серые носки. Зашнуровала бурые поношенные башмаки. Сунула в карман жизнечасы и катушку серебряной нити...

Девочка расчесала и заплела волосы, поглядывая в овальное зеркальце внутри платяного шкафа. В это время внизу распахнулась и захлопнулась дверь: Шадрак отбыл в министерство. София быстренько уложила свою рабочую сумку и, покосившись на дверь Тео, спустилась на кухню, чтобы позавтракать в одиночестве.

В доме стояла полная тишина.

Бисерная карта лежала на кухонном столе, там же, где они оставили ее накануне. София развернула полотняный квадрат и задумчиво уставилась на него, припоминая, с каким восторгом вчера приступала к чтению этой карты. Вместе с Шадраком...

Недолго музыка играла!

Ее размышления прервал неожиданный звук открывшейся наверху двери. Вскоре по ступенькам прошлепал Тео. Подсел к Софии и как ни в чем не бывало потянулся за хлебом и маслом. Девочка окинула его внимательным взглядом: никаких следов вчерашнего страха, перед нею был все тот же Тео, жизнерадостный и невозмутимый.

Он улыбнулся ей:

– Доброе утро.

София с негодованием вскинула брови:

– И это все?..

Он с самым невинным видом захлопал ресницами:

– То есть?

– Вчера вечером ты даже дверь открыть не соизволил! Может, объяснишь почему?

Тео лишь пожал плечами, обильно намазывая масло на хлеб.

– Все дело в налетчике? – спросила София.

Его ответ прозвучал уклончиво:

– Ну...

– Видно, конец пришел твоему обещанию никогда мне не врать, – пробормотала София.

Тео положил хлеб.

– Прости меня, – проговорил он очень серьезно. – Не могу я об этом говорить, и все тут. Нужно сперва кое-что уточнить...

София откинулась к спинке стула. Пришлось напомнить себе, сколько раз прошлым летом она сомневалась в Тео. Что-то выпытывала у него... а он молчал – и, как потом выяснилось, по очень веской причине. Шрам на руке, пораненной нохтландским стражником...

– Ладно, – сказала она. – Прекращаю расспросы. Но как соберешься рассказать, кто он на самом деле такой, ты уж не забудь про меня!

Он ухмыльнулся и щелкнул пальцами, изобразив направленный на нее пистолет.

– Ты будешь первая, кто все узнает! – И сменил тему, кивнув на карту: – Есть успехи?

– Нет. Я еще и не начинала читать ее.

– Сегодня попробуем, если хочешь. А давай возьмем карту и с ней к Майлзу пойдём?

София опустила глаза:

– Мне в архив надо.

Тео задумчиво жевал бутерброд:

– Хорошо. Вернешься когда?

– Под конец дня.

– Ну и пойду к Майлзу один, без тебя! – Тео потянулся за новым куском.

– О Вещих будешь расспрашивать? – Он смотрел, не понимая, и девочка пояснила: – Ты вчера, похоже, удрал до того, как о них речь зашла.

И она передала ему подслушанный разговор, окрашенный беспокойством о какой-то Златопрут, могущей не дотянуть до конца лета.

– Ты хоть знал, что Майлз Вещих искал?

– Об этом, – кивнул Тео, – Майлз ни словечком не упоминал. Вот хитрый старикашка! Таиться от меня вздумал!

Тем не менее сколько-нибудь обеспокоенным он не казался.

София вытащила серебряную катушку и большим пальцем потерла деревянный торец.

– Не от тебя одного. Шадрак и мне ничего не сказал. Может, в том и заключалась истинная цель путешествия, а вовсе не в поисках моих родителей и Авзентинии... Им Вещие нужны были, и только.

– Уверен, – сказал Тео, – у Шадрака были достойные причины не говорить тебе.

– Такие же достойные, как и притворяться, будто разговор с Бродгёрдлом прошел гладко и любовно?

Тео кончил намазывать второй ломоть хлеба:

– Чему тут удивляться...

Он жевал, старательно избегая ее взгляда.

– Скажем так: та щелка для подглядывания оказалась очень информативной...

София круче свела брови.

– Не надо было нам за Шадраком шпионить. Нехорошо это! – И тут до нее в полной мере дошло, о чем говорил Тео. – погоди, ты хочешь сказать, что он нам врал не только про это?

Тео было не по себе.

– Этого я не говорил. Но ты же понимаешь – у него теперь важная должность, там сложности всякие каждый день происходят... А если он не вправе тебе все говорить?

София встала из-за кухонного стола:

– Мне пора.

– Я не хотел тебя огорчать...

У нее вырвался разочарованный вздох:

– Может, и не хотел, но огорчил. А поскольку мы подслушивали и подсматривали, я Шадрака даже напрямую расспросить не могу!

– Зато я к Майлзу могу пристать. Скажу ему, дескать, случайно услышал то-то и то-то... а потом посмотрю, что удастся из него вытянуть!

София замотала головой:

– Еще вранье громоздить...

– Предоставь это мне, – сказал Тео. – Я справлюсь, вот увидишь!

София пошла к выходу, он встал, но она не оглянулась. Уже в спину ей Тео пообещал:

– Если что выясню, сразу тебе расскажу!

Идя к остановке трамвая, София размышляла о том, что возмущение по поводу всеобщей неправды на самом деле попахивало лицемерием. Она ведь и сама скрывала от Шадрака свою работу в нигилизмийском архиве. И напрямую солгала о себе архивистам. Как же все неправильно! А главное, что с этим прикажете делать?.. У Софии даже в животе забурчало.

«Сейчас приеду туда, и окажется, что все выплыло».

Ее не веселило ни яркое утреннее солнышко, ни щебет ласточек, ни аромат цветущей сирени. София невидящим взглядом созерцала бульжники мостовой до самого прибытия трамвая. Она заплатила за билет и села в вагон, где и сидела очень смиренно, разглядывая свои башмаки, пока трамвай не прибыл на нужную остановку.

Прежде чем входить в нигилизмийский архив, София немного помедлила. Скорее всего, архив действительно хранил в своих недрах свидетельство, жизненно важное для ее поисков. Ответ на мольбы Минны, подсказку для дальнейшего продвижения... Но здесь ее могла ждать и вполне судьбоносная неудача. Она все очень точно рассчитала, стремясь проникнуть в архив. Но что касается безопасного отступления... Если служитель при входе предъявит ей обвинение, придется разве что удирать со всех ног!

София открыла ворота и двинулась по дорожке наверх. Час был совсем ранний, садовник еще не приступил к делу, большинство занавесок на окнах задернуто. Огромный дом, погруженный в тишину, выглядел еще больше обычного. Входить было страшно. София посмотрела на жизнечасы. Двадцать семь минут до открытия. Стоя на усыпанном гравием подъездном кругу, девочка заметила у ворот Угрыzenie. Нигилизмийка ровным шагом одолела подъем и присоединилась к Софии.

– Рано вы сегодня, – заметила она.

София ответила:

– Хочу использовать весь день по полной.

– Как и я, – сказала Угрыzenie и вытащила из кармана ключ. – Я последний день здесь работаю.

София удивленно посмотрела на нее:

– Я и не думала, что вы так скоро...

Угрыzenie кивнула и вставила ключ в скважину.

– Завтра наша миссионерская группа уезжает в Папские государства. До тех пор мне нужно здесь еще кое-что доделать.

Следуя за архивисткой, София вошла в прохладный вестибюль. Кажется, ранний приезд избавил ее от встречи, которой она так боялась.

«Сегодня-то он ответ и получит, – напомнила она себе. – И как мне мимо него в дверь проскочить?»

Решительно отставив эти мысли, она поднялась по лестнице на третий этаж.

– На самом деле хорошо, что вы пораньше пришли, – сказала Угрыzenie, открывая дверь в комнату сорок пять и жестом приглашая Софию внутрь. – Я кое-что хотела сказать вам по поводу ваших исследований. Сейчас... минуточку.

В комнате было почти темно. София осталась у двери. Молодая женщина отдернула шторы с северной стороны комнаты и одну за другой зажгла лампы, озарив темное дерево полок, полированные столешницы, кожаные кресла, толстые ковры. София привычно двинулась к своему рабочему месту, загроможденному томами указателей, посвященных восемьдесят второму году новой эры. Села, принялась ждать.

Из коридора донесся звук деловитых шагов. София встревоженно обернулась в сторону двери, ожидая появления лысого служителя, но появился всего лишь Ли Моро.

– Доброе утро, – сказал он и, не добавив более ни слова, уселся за свой стол.

Угрыzenie оглянулась на Софию, покачала головой.

Архивистка стала снимать книги с полок, а София устроилась за столом и попыталась понять только что случившееся. Угрыzenie хотела что-то сказать ей, но не пожелала начинать разговор в присутствии Ли Моро. В чем же дело?.. Вспомнив предыдущие дни, девочка поняла: сегодня Ли второй раз отсутствовал в комнате. Да и то в первый раз неподалеку трудился другой посетитель архива.

И София наконец осознала очевидное: Угрыzenie была ее тайным союзником в архиве. Это она подсунула ей нигилизмийский буклет. Стало быть, знала, кого и почему она ищет. Откуда, каким образом – истолкованию не поддавалось, но разве это важно? Знала – и все!

У Софии заколотилось сердце. В памяти тотчас всплыли все их недолгие разговоры. Они обсуждали нигилизмийские миссии, Колумба, излишество чувств. Что еще?.. Угрыzenie прокомментировала ее метод работы. Сказала, что читать подряд все тома – занятие не самое продуктивное.

«Ага!.. – сообразила девочка. – Она выдала мне все тома, но посоветовала не вникать в каждый по очереди. Даже вроде подложила какой-то на второй день».

София отодвинула стул и стала водить пальцем по корешкам, силясь припомнить. Семнадцатый? Нет, его она уже просмотрела... Двадцать седьмой! Точно – двадцать седьмой!

Раскрывая книгу, она вскинула глаза и увидела Угрыzenie за верстаком. Архивистка чинила книги, снятые с полки. Изогнутая игла, оснащенная толстой нитью, искусно протыкала сложенные листы бумаги. Протыкала, натягивала, снова протыкала и снова натягивала... Архивистка листала заново переплетенные книги, убеждаясь, насколько ровно и плотно они прошиты. Готовые книжные блоки она складывала стопкой.

София немного понаблюдала за ней, потом вновь уткнулась в двадцать седьмой том. Только вместо того, чтобы читать, поставила книгу стоймя. Пролистнула большим пальцем... Книга сама собой раскрылась примерно посередине. Там, оказывается, таилась закладка – тончайшая бархатная ленточка, проложенная по самому сгибу. София с бьющимся сердцем ухватила ее. Именно так ее мама когда-то помечала страницы!.. София и дома у себя находила подобные закладки...

Как раз когда пальцы сомкнулись на лиловой бархатной змейке, внимание девочки привлекла текстовая строчка. Вереница букв так и бросилась ей в глаза, несколько секунд София не верила, что в самом деле это читает. Она зажмурилась, протерла глаза... Но нет, ей не померещилось. Строчка никуда не исчезла, красовалась все там же, на первый взгляд точно такая же, как все прочие сверху, снизу и рядом.

На несколько мгновений София разучилась дышать. Закругленные очертания букв плавали перед глазами. Она резко отодвинула стул, едва не опрокинув его.

Ли прокашлялся, неодобрительно хмурясь с другого конца помещения. Угрыzenie отложила очередной книжный блок и посмотрела на Софию ничего не выражающим взглядом.

– Угрыzenie, можно вас спросить кое о чем? – сказала София. Голос дрогнул на последних словах.

Молодая женщина подошла к ней:

– Чем могу помочь?

– Не взглянете, что я нашла?

Нигилизмийка кивнула. София показала ей страницу.

– «Дневник Вильгельмины Тимс. Гранадское хранилище», – вслух прочла Угрызение. И добавила, понизив голос: – Это хорошие новости.

У Софии голова шла кругом. Значит, мама вела дневник! Должно быть, с самого отплытия из Бостона! И теперь он сберегался в каком-то месте под названием «Гранадское хранилище». София показала архивистке свернутую ленточку:

– Это было тут, между листами... а потом я увидела... мамино имя!

На лице Угрызения не дрогнул ни один мускул.

– Весьма примечательно, – сказала она.

Софию переполнила благодарность, не находившая выражения в словах.

– А где оно? Гранадское хранилище? Как бы мне попасть туда? Или можно затребовать дневник сюда?..

Угрызение взяла бархатную ленточку и медленно намотала на палец.

– Хранилище расположено в Папских государствах, в Гранаде, что лежит за Темной эпохой. И наши архивы никуда не высылают свои материалы.

– Значит, мне следует самой поехать туда?

– Именно так, – наклонила голову Угрызение. – Причем, как и здесь, доступ предоставляется только нигилизмийцам. И ваша бостонская карточка будет там недействительна. Приедете в Гранаду – придется затребовать новую.

София немного помолчала, переваривая услышанное. Изначальный восторг понемногу переплавлялся в деловые прикидки.

«Итак, надо ехать лично. Мы с Шадраком... хотя Шадраку наверняка окажется не до того. Нужно пробраться в нигилизмийские архивы на другом краю света, а у него столько работы... Так, я могла бы отправиться с Барром и Каликстой. Они ведь не откажутся в Папские государства завернуть... правда? Допустим, их я уговорю... вот бы еще Шадрака уговорить отпустить меня одну в Папские государства. И как, интересно, я в Гранаде буду карточку для доступа получать? Я и по-кастильски-то не говорю».

Она воочию увидела, как уплывает из рук вождеденный дневник. Скрывается, точно корабль за горизонтом.

– Спасибо большое... я, пожалуй, пойду, – услышала она собственный голос. – Мне нужно... кое-какие планы согласовать.

И она быстро переписала строчку из книги в свою тетрадь. Угрызение молча смотрела, как она закрывает двадцать седьмой том, складывает его на тележку и прячет в сумку тетрадь.

– Спасибо огромное вам за помощь, – сказала София.

– Эфемера... – начала Угрызение. Покосилась на Ли и передумала. – Рада, что ваши поиски увенчались успехом.

– Спасибо еще раз, Угрызение. Вы были очень добры!

И она торопливо покинула сорок пятую комнату. Шадрак, наверное, уже сидит в министерстве.

«В лепешку расшибусь, но уговорю его, – твердо решила София. – Просто расскажу ему правду, и он все поймет. Непременно поймет».

– Эфемера, – окликнула Угрызение. Оказывается, архивистка последовала за ней в коридор. – Погодите минутку... Я должна кое-что вам сказать. Насчет Папских государств.

– Что такое? – обернулась София.

Угрызение подошла вплотную.

– Если помните, – вполголоса проговорила она, – моя миссия направляется как раз в Папские государства.

– Да, вы говорили.

– И, как я уже сказала вам утром, наш корабль отплывает завтра. – Угрызение оглянулась на открытую дверь сорок пятой и понизила голос до шепота: – Если хотите, я спрошу капитана, не найдется ли на борту местечка для вас и вашего дяди.

У Софии округлились глаза:

– Для нас с Шадраком?..

– У вас есть нигилизмийский мандат, – сказала Угрызение и сопровождала свои слова многозначительным взглядом. – У вашего дяди – нет, но в прошлом иногда делались исключения для членов семей или пассажиров, путешествующих за плату. Думается, капитану Размышляю долгих уговоров не понадобится...

Она немного помолчала.

– Если поедете со мной, я без труда обеспечу вам доступ в Гранадский архив. Прочтете дневник и вернетесь с дядей в Бостон.

«В Папские государства! Уже завтра!..»

Эта мысль никак не укладывалась в сознании. София отчетливо понимала, что возможность, предоставленная Угрызением, уникальна и неповторима. Если ответить согласием, будет ли это такое уж сумасбродство? Может, она всего лишь движется по вешкам, заботливо расставленным для нее Судьбами?

И тут в памяти всплыли слова Минны, произнесенные на рассвете. Раздались, словно наяву, в полутемном коридоре нигилизмийского архива. «Недоумевая, предложенного плавания все же не отвергай».

Софию снова охватил восторг.

– Да! – сказала она. – Да, я поеду!

Угрызение тоже поддалась неожиданному чувству и крепко сжала руку Софии.

– Здорово! – сказала она. – Отплытие в пятнадцать часов, посадка начинается с полудня. Корабль называется «Истина». Как придете, спрашивайте непосредственно капитана Размышляя.

– Обязательно приду, – пообещала София. – Только Шадраку скажу. Но приду всенепременно!

24 февраля 1881 года

...Так и вышло, что на пятый вечер нашего пребывания на борту «Гнездышка» мы сделали открытие, позволившее оценить весь масштаб хитрости капитана Рена.

То есть я наполовину ожидала чего-то подобного, но такое!.. Истина застала врасплох и Бронсона, и меня. Мы ждали капитана в его каюте. Он, по обыкновению, пригласил нас отужинать, но на сей раз тут же стал извиняться – некое дело требовало его присутствия – и попросил нас подождать, добавив: «Ничем не стесняйтесь, чувствуйте себя как дома!»

Мы с Бронсоном долго сидели молча... Последние несколько дней выдались для нас не самыми простыми. Мне делалось на борту «Гнездышка» все некомфортней, ибо я нутром чувствовала обман; Бронсон же все более поддавал под обаяние капитана Рена и его белозубой команды, пребывая в уверенности, что они суть самые добрые и компанейские ребята на всем белом свете. Предыдущим вечером мы с ним едва не поссорились из-за этого. Я настоятельно советовала мужу поменьше откровенничать с капитаном, но Бронсон только посмеялся. Я сказала, что лишь глупец так легко дает себя очаровать. Он в ответ раскритиковал мою глупую подозрительность.

Так мы и молчали, сидя за капитанским столом. Наконец я встала, быть может движимая некоторым раздражением, и, перейдя в дальнюю часть каюты, стала осматривать полки, хранившие библиотеку и навигационные инструменты капитана. Полки, заставленные книгами, неизменно напоминают мне моего дорогого брата Шадрака; рядом с ними я всегда чувствую себя как дома. Итак, я празднично вела пальцем по корешкам, украшенным сплошь неведомыми мне названиями... Можете вообразить мое изумление, когда одна надпись словно бы ответила моим мыслям: «Шадрак Элли!»

Кажется, я вскрикнула от восторга.

– Что такое? – спросил Бронсон, наконец-то соблаговоллив нарушить молчание.

– У Рена тут книга Шадрака! – ответила я.

И, еще не договорив, поняла: все неправильно!

Автором действительно числился Шадрак Элли, но... Я же знала все книги, написанные братом. «Карты Калифорнии, мексиканская граница и Мексикано-американская война». Я в недоумении разглядывала обложку.

– Неужели он опубликовал что-то новое, а мне не сказал? Вряд ли автор доводится ему тезкой... Чушь какая-то!

Бронсон, подойдя, встал у меня за спиной и сам прочел название.

– Я тоже не припомню у Шадрака такой книги, – сказал он.

– То-то и оно, – тихо ответила я. – Что хоть это такое – Калифорния?

– Посмотри, где издано, – посоветовал Бронсон.

Я открыла шмуцтитул и ахнула. «Издательство братьев Робертс, Бостон, 1899».

– Да как такое возможно?.. – вырвалось у меня. – Сейчас ведь всего лишь восемьдесят первый?..

Бронсон недоуменно хмурился, разглядывая книгу. Тут распахнулась дверь каюты: вошел

капитан Рен.

Он, конечно, тотчас понял: что-то случилось. Нервным движением он спрятал свой янтарный монокль, не стал ничего говорить нам, не задал никакого вопроса – просто стоял и смотрел. Я с изумлением подметила в его прищуре оттенок испуга. С чего бы?

– Капитан Рен. – Я показала ему нашу находку. – Как вышло, что у вас на полке стоит книга моего брата... которую издадут через восемнадцать лет?

Рен примирительно вскинул ладони. Тревога в его взгляде сменилась столь же беспокоящим выражением отрешенной печали.

– Пожалуйста, – проговорил он, – пожалуйста, только не волнуйтесь.

– Да как же нам не волноваться? – спросила я, наверное, чуть громче, чем намеревалась. Рука Бронсона скользнула к моей талии, стремясь поддержать. – Я пытаюсь понять, что это значит!

– Я объясню... я все объясню, – заверил нас капитан. – Вы садитесь, пожалуйста. Позвольте, я велю подать ужин и все вам расскажу.

Тогда я сказала себе: желай он нам навредить, возможностей для этого у него было без счета! А кроме того, я в самом деле жаждала объяснений.

Мы с Бронсоном вернулись за стол. Рен позвонил в колокольчик, приказал подавать ужин и по традиции налил нам по бокалу вина. Я обратила внимание: он вынул бутылку не из стеклянной горки, как обыкновенно, а из ящика стола. Она была снабжена весьма необычной, странно аккуратной наклейкой; я никогда таких не видала. Между тем капитан на несколько секунд погрузился в глубокое размышление. Бронсон же взял меня за руку и крепко сжал, ибо неожиданная находка тотчас изгладила все шероховатости, возникшие между нами.

– Вам, быть может, покажется, что я лжец, каких свет не видал, – со вздохом начал Рен. – Что ж, я в самом деле вас обманул... Прошу вас об одном: имейте в виду, мне пришлось лгать ради очень благой цели. Более того, я пошел на обман по прямому распоряжению моего правительства, правительства Лиги Энкефалонских эпох, равно как и во имя своей собственной чести.

Мы с Бронсоном обменялись взглядами, полными недоумения. В дверь постучали: прибыл наш ужин.

Рен предложил нам отведать жареной курицы с картофелем, морковью и мятным маслом. Воистину, кормили на борту «Гнездышка» отменно. Исключительное качество блюд граничило с очередной тайной: например, я так и не сумела дознаться, откуда они каждый день брали свежие овощи. Только сегодня нам с Бронсоном кусок в горло не лез. Ужин так и стыл на тарелках: мы слушали рассказ капитана.

– Я родом вовсе не с Нового Запада, – по очереди глядя нам в глаза, говорил Рен. – Я из Австралии, как и весь мой экипаж. Просто нашей целью было до последней мелочи имитировать ново-западное судно и соответствующую команду. Каждый из нас обучался истории, обычаям и языку вашей эпохи. Но, как вы, Минна, верно подметили, наше обучение оказалось далеко от совершенства... Говоря совсем откровенно, нам строго воспрещены несанкционированные контакты с уроженцами вашей эпохи, так что случай проверить теорию практикой выпадает нечасто.

– Тогда к чему такие усилия в маскировке? – Я чувствовала себя окончательно сбитой с толку. – Зачем притворяться, если вы с нами даже не разговариваете?

– Есть обстоятельства, – продолжал Рен, – при которых общение, наоборот,

приветствуется. К примеру, при угрозе жизни, как в вашем случае, я обязан был взять вас на борт. Другой повод, более распространенный, связан с основной деятельностью «Гнездышка». Мы должны проникать в среду местных для сбора информации о вашей эпохе.

Мы обдумали услышанное.

– Информации? – переспросил Бронсон.

– Так вы шпионы? – одновременно вырвалось у меня.

– Вот-вот, – вздохнул Рен. – Я предвидел, что примерно так вы и подумаете. Позвольте же мне объяснить еще кое-что. Даю вам слово, что наши намерения – во всяком случае, намерения команды этого корабля – никакой враждебности не содержат.

Я только что упомянул здесь Лигу Энкефалонских эпох; к ней принадлежит и моя эпоха, Австралия, и другие, по шкале времени опередившие Новый Запад.

– Что вы имеете в виду? – спросил Бронсон.

– Ваши историки и картологи уже начали составлять карты «нового мира», как у вас выражаются, верно? – Мы кивнули, Рен же продолжал: – Так вот, если его упорядочить согласно хронологии, имевшей место прежде Разделения, некоторые страны окажутся позади Нового Запада, иные же – впереди. Так, Доисторические Снега явились из далекого прошлого, Новый же Запад равнозначен девятнадцатому столетию. – Мы вновь согласно кивнули. – Соответственно, эпохи, расположенные в будущем относительно вашей, начиная с моей родной Австралии, испытавшей Разделение в двадцатом веке, образовали союз. Это и есть Лига Энкефалонских эпох.

Рен умолк, ни дать ни взять достигнув особо трудного момента в объяснениях. Он даже обратил внимание на еду и, ища повод отвлечься, отведал немного курицы и картошки.

– Вы никогда не задумывались, – спросил он затем, неохотно кладя вилку, – почему вам не доводилось принимать у себя посланников из эпох, которые вы назвали бы грядущими?

Мы на время потеряли дар речи.

– Конечно задумывались, – проговорила я наконец. – Общепринятая версия гласит, что путешествия слишком далеки и опасны.

Рен покачал головой:

– Это верно не для всех. Иные эпохи нимало не затрудняются дальними переездами. Скажем, австралийцы могли бы еженедельно высаживаться на ваших берегах сотнями, да что там – тысячами!

– Вряд ли грядущим эпохам так уж интересно непосредственно посещать минувшее, – не согласился Бронсон. – Мы же не мчимся толпами в Папские государства, а почему? Там такое владычество суеверий, что нашего дорогого друга того и гляди отправят на костер! Вот и вас, я так думаю, к нам на Новый Запад не особенно тянет!

Рен снова покачал головой:

– Бронсон, не мне вам рассказывать о неутолимом любопытстве исследователя! Вы же сами прямо сейчас едете изучать Папские государства. Неужели вам не кажется странным, что в Бостоне ни разу не встречали путешественников из Австралии?

Мне пришлось уступить:

– Пожалуй, вы правы.

Рен подцепил на вилку еще кусочек курицы.

– Лига Энкефалонских эпох сложилась вскоре после события, известного вам как Великое Разделение. Ваша эпоха, Новый Запад, расположена на изломе. Все позднейшие эпохи принадлежат к Лиге. И нас связывает соглашение, предписывающее воздерживаться от

путешествий в вашу эпоху, равно как и в более ранние.

– В Пустошах есть эпохи из будущего, – сказал Бронсон. – До сих пор мы беспрепятственно ездили туда и сюда.

– Это не полноценные эпохи, а всего лишь осколки, – пояснил Рен. – Вскоре после Разделения они утратили качества, способные сделать их членами Лиги. Ничего действительно энкефалонского там давно не осталось.

– Какова же цель Лиги? – спросил Бронсон.

– Цель... – Рен отодвинул тарелку, его лицо омрачилось усталостью. – Наша цель – оградить всех вас от нас.

Он замолчал и некоторое время смотрел в пространство. Обычно наш капитан был сама жизнерадостность, неизменно сиял юмором и добротой... Неожиданно став грустным и сугубо серьезным, он, казалось, даже постарел лет на десять. На загорелом лице резче обозначились морщины; прежде они казались мне лучиками смеха, но теперь виделись шрамами постоянных тревог. Он провел рукой по лбу, крупная ладонь ненадолго прикрыла глаза.

– Если я расскажу вам, чем продиктовано такое решение... Наши эпохи сообща постановили, что вам не следует знать о... – капитан вновь помедлил, перевел дух, – о несчастье, постигнувшем будущее. От этого-то знания мы вас и ограждаем. Мы, экипаж «Гнездышка», – всего лишь горстка в составе тысячных сил, удерживающих нынешнее положение дел. Мы обычно общаемся только с внедренными агентами, сами же предпочитаем наблюдать издалека.

– Агенты, значит, – повторил Бронсон.

– Да, – извиняющимся тоном произнес Рен. – Среди вас, в смысле, в до-энкефалонских эпохах, живут наши люди, выдающие себя за местных уроженцев.

Я открыла рот, но он продолжал:

– Понимаю, как это выглядит, но и вы нас поймите. Мы нуждаемся в своего рода полиции, которая выслеживает и ловит наших людей, путешествующих без разрешения, ибо нарушители соглашений могут исказить и развратить ваши эпохи, распространив сведения из будущего. Мы и вас подобрали, возвращаясь с проваленного задания: нам было поручено задержать одного такого нарушителя, но не удалось. Вы подвергались смертельной опасности; законы Лиги не воспрещали мне взять вас на борт. Увы, у моей команды и у меня самого нет привычки к постоянному общению со столь проникательными гостями... – Он улыбнулся. – Я знал, что падение нашей маскировки – лишь вопрос времени!

Мы с Бронсоном так и не положили в рот ни кусочка. Услышанное от капитана нуждалось в серьезнейшем осмыслении. Потрясающее откровение Рена несло в себе несомненный заряд правды, лишь подкрепленный искренностью его поведения; нам и в голову не пришло усомниться в истинности услышанного.

Я тут же переоценила впечатления и воспоминания последних пяти дней. Обрело смысл все, прежде казавшееся мне подозрительным, – легкие, но в то же время заметные нюансы физического облика и здоровья команды, странная смесь нового и старинного в корабельном убранстве, отрывочная информированность Рена. Стало окончательно ясно и то, что я чувствовала интуитивно: капитан ни в коем случае не желал нам зла. Меня по-прежнему снедало жгучее любопытство о Лиге Энкефалонских эпох и ее удивительной тайне, но я вдруг с особенной остротой осознала, сколько сделал для нас Рен. Он не просто спас нас посреди океана. Он самым трогательным образом приспособил к нашим нуждам свой

корабельный мирок, восславив тем самым некогда принятые обеты. Бог с ними, с непостижимыми тайнами грядущих эпох! Я отчетливо видела, чего стоила Рену непоколебимая верность принципам. Как он в эти минуты напоминал мне брата!..

– Спасибо вам, капитан Рен, – сказала я наконец, – и за объяснения, и за доброту. Учитывая все, что вы нам рассказали, могу представить себе, сколь многие на вашем месте покинули бы нас на милость океана.

Необходимо заметить, что Бронсон успел достаточно сильно привязаться к Рену, а стало быть, острее прочувствовал и обман. Поэтому он молчал гораздо дольше, чем я.

– Да, – сказал он, и я заметила у него на скулах легкий румянец. – Мы от души благодарим вас за гостеприимство на борту этого корабля... из каких бы странных краев вы ни происходили.

Рен вздохнул с облегчением.

– Ценю ваше понимание и доброту, – сказал он. – Право, я вовсе не осудил бы вас, надумай вы напрочь от меня отвернуться.

– Допустим, отвернулись бы, и что дальше? – спросил Бронсон.

У моего мужа доброе сердце, неизменно склонное прощать; он ни на кого не мог подолгу сердиться, и капитан не стал исключением.

– Вот уж глупость была бы отвергнуть ваше гостеприимство и выскочить за борт! Мы еще подумаем, как с вами быть... – а на лице у него было написано прямо противоположное, – но, пожалуй, продолжим какое-то время мириться с вашим чудесным вином, отменными блюдами и весьма изысканным обществом!

– Вот и хорошо, – рассмеялся Рен. – Уж вы постарайтесь.

– Я все-таки не в силах понять, – вставила я и накрыла рукой лежавшую на столе книгу, – откуда взялась книга, написанная моим братом!

– Да. – Рен взял книгу. – Да, конечно... Вы знаете, точнее было бы выразиться иначе: написанная кем-то другим с такими же именем и фамилией. Ибо это личность совершенно иная. В моей эпохе известно, что эту превосходную книгу написал некий Шадрак Элли, живший в Бостоне около ста лет назад.

Я купил ее для себя... и весьма неосмотрительно взял в нынешнее плавание, поступив, мягко говоря, не по протоколу. Представьте, однако, до чего трудно создать корабль, до последней мелочи удовлетворяющий всем требованиям. Ваша эпоха сама не вполне соответствует тому девятнадцатому веку, который пережит нами. Попробуй-ка все учти!

– Понятно, – медленно произнесла я, дослушав до конца. – Тогда... Скажите, капитан, вашей эпохе известна женщина по имени Вильгельмина Тимс? А мужчина по имени Бронсон Тимс? И... маленькая девочка... София?

Рен посмотрел на меня, прищурился, улыбнулся:

– Правду сказать, я не знаю. Раз вы нашли книгу, подписанную именем брата, стало быть, возможно и это. – И мягко добавил: – В нашем прошлом многое сбылось иначе, Минна. Вашу эпоху оно напоминает гораздо меньше, чем нас самих.

– Естественно, – согласилась я. – Я спросила из чистого любопытства.

– Что ж, – сказал Бронсон, – теперь, когда мы все прояснили, быть может, вашей команде имеет смысл оставить притворство? Позволят ли нам увидеть, каковы австралийцы на самом деле?

– Боюсь, друг мой, этому не бывать, – грустно проговорил Рен. – Конечно, мы перестанем выдавать себя за уроженцев Нового Запада. Возможно, даже вернем некоторые

элементы привычных удобств, от которых вынужденно отказались... – Он постучал ногтем по винной бутылке и улыбнулся. – Увы, мы не смеем, так сказать, совершенно поднять занавес, ибо это означало бы поправление данных нами клятв о сохранении тайны. Самое же обидное, что мы не сможем отправиться с вами вглубь Севильи. Мы и так оставили намеченный курс, поскольку я счел своим первостепенным долгом в целостности и сохранности доставить вас в порт.

– Понимаем. В высшей степени понимаем, – ответила я. – Мы вам бесконечно благодарны за то, что ради нас вы изменили маршрут.

– Не стоит, – сказал Рен. – Знаете, что мы еще сделаем? Пойдем на привычной для нас скорости. Воображаю, какое облегчение испытает команда... Таким образом, мы прибудем в Севилью не через пять дней, а непосредственно завтра. – У нас с Бронсоном разом вырвался изумленный возглас, капитан же сказал: – Да, это тоже... творческое осмысление правил, но семь бед – один ответ! Об одном только сожалею – все это ускорит и наше с вами расставание. Завтра, по прибытии в Севилью, вам снова придется рассчитывать лишь на себя.

Партия Новых штатов, основанная в 1861 году, долго ратовала за мирное воссоединение с другими эпохами, предпочитая его политике завоеваний. В прошлые годы эта партия активно отстаивала скорейшее присвоение Индейским территориям статуса штата и даже заключение договора с западными Пустошами. Можно сказать, что популярность этой партии возрастает и убывает в зависимости от того, насколько угрожающими представляются другие эпохи.

Шадрок Элли. История Нового Запада

3 июня 1892 года, 9 часов 10 минут

Покончив с завтраком, Тео отправился на Маячный холм, к дому Майлза. Это было довольно беспорядочное и в высшей степени неопрятное кирпичное строение, от чердака до подвала набитое реликвиями былых путешествий. При всей неухоженности дом производил по-прежнему сильное впечатление. Как-никак Майлз – один из богатейших жителей Бостона. И уж точно – богатейший из путешественников. Другое дело, к числу тех обитателей Маячного холма, кто наслаждался семейным состоянием с самого рождения, он не принадлежал.

Бабушка и дедушка Майлза, пережившие Разделение, были рабами. Они участвовали в восстании, в результате которого образовался Новый Акан. В те первоначальные годы, когда жители прибрежных краев с немалым подозрением относились к штату, населенному бывшими невольниками, дедушка Майлза разбогател на торговле: возил на восток из Нового Акана сахар, хлопок и рис. Сам в прошлом раб, он оказался одним из немногих, кто охотно покупал сырье у земледельцев, ставших свободными, устраивал ткацкие фабрики и нанимал прежних рабов. Постепенно сколачивая состояние, Джон Каунтримен приобрел особняк на Маячном холме: теперь всякий в Бостоне мог видеть, какие плоды способна принести торговля с могущественным Новым Аканом. Майлз, внук, вступил во владение семейным дворцом, будучи весьма далек от мыслей о торговле. Предприимчивость деда сказалась в нем сходной по силе страстью к путешествиям; этому-то делу он и посвятил свою жизнь.

Даже если бы Тео не довелось накануне подслушать тот разговор, он все равно сейчас отправился бы к Майлзу. Просто чтобы счастливо развалиться в кресле и до вечера наслаждаться обсуждением главных моментов их путешествия. Теперь, однако, у него имелась четкая цель. Больше часа он беседовал с Майлзом на общие темы, потихоньку подбираясь к важной для него, пока наконец не подвернулся случай мимоходом поинтересоваться:

– А что Блай так разволновался из-за этого Бродгёрдла? Тот вроде достаточно дружелюбно себя повел.

Майлз фыркнул и возмущенно воздел руки, едва не выронив глиняный горшок, который

держал. Единственными оплотами безупречной чистоты в этом доме были стеклянные шкафчики, где хранились разного рода сокровища, доставленные из экспедиций. Как раз теперь Майлз все переставлял в одной витринке, устраивая свежедобытые редкости.

– Еще бы ему не беспокоиться! – сказал он Тео. – Да Бродгёрдл – самый закоренелый шантажист на всем Новом Западе! Если у кого есть хоть малюсенькое пятнышко на репутации, можешь не сомневаться, этот тип разыщет его и раздует из мухи слона, так что в итоге жертва знать не будет, как отмыться! Сам ты как думаешь, что его так быстро сделало лидером партии?.. Вот и я о том же.

Тео спросил:

– Откуда он родом?

– Да кто его разберет. Он всего пять лет назад купил себе место в парламенте. Вроде бы на мыльном производстве разбогател, – сказал Майлз, бережно очищая от пыли уши статуэтке-медведя.

Тео криво улыбнулся:

– Весьма подходящая биография.

– Ты о чем?

– Кому, как не мыловару, все следы прошлого смыть!

– Мыло мылом, а черного кобеля все равно не отмоешь добела. – Майлз, нахмурившись, закрыл стеклянную дверцу и опустился напротив Тео на кожаный стул. – Это для простых бостонцев он весь беленький и пушистый... еще и благоухает... а на самом деле – политика грязней еще поискать!

– А хоть кто-то про него толком что-нибудь знает?

Майлз наградил Тео пристальным взглядом, словно на самом деле тот спрашивал совсем о другом. Потом подался вперед, обхватив колено сильными морщинистыми пальцами.

– С чего такой интерес, Тео?

Юноша передернул плечами. Другую свою карту он планировал разыграть позже, но вмняемо объяснить Майлзу свое любопытство требовалось сейчас, иначе беда.

– Ну... я случайно услышал, что он Шадраку типа грозил.

Майлз застонал:

– Ты неисправим, Тео! И много подслушать успел?

– Да нет, не особенно. Что-то про выбор: правильный и неправильный. Вот я и пытаюсь понять: нам пора волноваться?

– Уверенности у меня нет. – Майлз тряхнул седой гривой. – Бродгёрдл – хитрая лиса, я тоже о нем судить только по слухам могу. Чем бы он ни занимался, на горячем его никто не застукает. Так вот, если слухи хоть на йоту правдивы – да, нам пора волноваться. – Его глаза сузились: – А остальное ты слышал? Касаемо Вещих?

Тео выдал широченную улыбку:

– Стыд и срам, Майлз! Отправился искать Вещих, и где они?

Майлз сморщился, как от кислого.

– Прости, что не ввел тебя в курс дела. Видишь ли, премьер лично дал мне поручение и столь же лично запретил посвящать кого-либо еще. – Он тряхнул головой. – Уж поверь, все было бы куда проще, имей я право тебе рассказать!

– Ты, дед, наверно, раза в четыре старше меня, – с искренней приязнью сказал Тео, – а правила нарушать, когда это необходимо, так и не выучился! Надо было просто взять и

сказать мне!

Майлз скорчил страдальческую гримасу, Тео же добавил:

– Слушай, теперь-то хоть расскажи! О чем весь сыр-бор?

– Понимаешь... – начал Майлз. – Есть нюансы, которых тебе для твоего же блага лучше вовсе не знать.

Тео закатил глаза, и путешественник нахмурился:

– Я серьезно! Пока мы полностью не определились, откуда и от кого исходит угроза, было бы крайней безответственностью подвергать тебя столь нежелательному вниманию... –

Он вздохнул. – С другой стороны, мало верится мне, будто счастье в незнании.

– Чем дальше, тем интереснее, – сказал Тео. – Давай уже, колись!

Майлз встал и окинул взглядом царивший в кабинете бардак. Рядом со стеклянной горкой на стене красовалась подборка масок, одна страшнее другой. Все свободное пространство покрывали карты в застекленных рамах. На полу – сплошной ковер из книг и газет. На столе, за который Майлз почти никогда не садился, раскинулась живописная коллекция увеличительных стекол, кофейных чашек, карандашей, мятых бумаг.

– Пойдем-ка в оранжерею, – сказал он.

Тео в изумлении уставился на него:

– Куда-куда? Мы же там сваримся!

– Пошли, – рассеянно повторил Майлз, вставая со стула.

Тео заторопился следом.

Теплица находилась позади дома. Погода стояла не особенно жаркая, но солнце щедро пригревало сквозь стекла: добротной политая растительность так и бушевала. Тео и Майлз словно шагнули в удушливые, влажные тропики. Закрыв дверь, Майлз вытер мгновенно вспотевший лоб, аккуратно сложил белый платочек и спрятал в карман полосатой рубашки.

Тео терпеливо ждал объяснений.

– Я немного могу тебе рассказать, – приглушенным голосом заговорил Майлз. – Да и того даже моим людям не следует знать.

Говоря «мои люди», он имел в виду пожилую чету – мистера и миссис Бидл. Муж присматривал за особняком, супруга готовила. Про себя Тео полагал, что с таким слухом, как у мистера Бидла, в шпионы уж точно не принимали, а миссис Бидл на эту должность и сама не пошла бы, ибо частная жизнь эксцентричного нанимателя ее нимало не интересовала. Но не спорить же! Тео энергично закивал, ожидая продолжения.

– Я действительно разыскивал Вещих, – сказал Майлз. – Они известны как непревзойденные целители... и есть человек, которому очень пригодилось бы их искусство.

Он свирепо сдвинул седые кустистые брови.

Тео выжидал.

– Ну и?.. – спросил он спустя некоторое время. – Ты что, только это и собирался мне сообщить?

– Я думаю, как лучше объяснить! – Их взгляды скрестились. Майлз уселся на кованую железную скамейку и указал Тео на противоположную, а сам наклонился поближе. – Вещие – форменная легенда. Никто не знает, сколько их вообще. Иные называют их даже не Вещими, а Непостижимыми... Они обитают где-то возле Жуткого моря – где именно, опять же никому не известно. Изредка выбираются за пределы своего края и странствуют, оставляя за собой вереницы чудесных исцелений. Возможно, этими людьми движет обычное сострадание, но Шадрак полагает, что некий кодекс обязывает их лечить каждого встречного,

кому требуется помощь. Он говорит, только так можно объяснить столь глубокую таинственность в сочетании с чудотворением.

– Самые же среди них одаренные именуются тучегонителями, и, если верить слухам, это воистину гении. Рассказывают о слепой женщине, вернувшей зрение, об утопленнике, который вновь задышал... есть вовсе невероятная история о мальчике, которому отгрыз руку медведь. Так вот, рука выросла заново!

Брови Тео поползли вверх.

– Ты прав, это превосходит всякое вероятие, – кивнул Майлз. – Но я тебе еще не все рассказал. В минувшем августе Шадрак послал весть на побережье Жуткого моря, испрашивая помощи Вещих. Ты же помнишь, что произошло с его близким другом Карлтоном Хопишем?.. Бланка и ее големы так изувечили несчастного, что он до сих пор не очнется... Вот Шадрак с отчаяния к Вещим и обратился. Ответа не последовало, что и неудивительно, учитывая, как немыслимо трудно их разыскать... Вообрази его изумление, когда в январе он получил письмо от женщины из Вещих по имени Златопрут. Она умоляла его хоть что-нибудь сообщить о троих тучегонителях, отбывших в Бостон на его зов! Дело в том, что на родину они так и не возвратились.

Тео аж присвистнул:

– Они отправились на помощь Шадраку!..

– Судя по всему – да. Только никто их не видел ни в Бостоне, ни в окрестностях. К тому времени Блай уже занял свой пост. Шадрак показал ему письмо Златопрут. Блай лично занялся этим делом. Он во все концы разослал верных людей с наказом отыскать тучегонителей. Поиски не дали результатов!

– Наступил февраль. Как ты помнишь, самый снежный месяц в наших краях. И тогда произошло нечто необъяснимое. На ферме в дальних пригородах Бостона метельной ночью раздался стук в дверь. Фермер вышел и увидел перед собой мужчину; тот держал на руках потерявшую сознание женщину. Женщина оказалась тяжело ранена. Мужчина плакал, от него только и удалось добиться: «Я ее пытался убить, а она все равно меня исцелила». Он раз за разом повторял эти слова: «...она меня исцелила». Фермер и его жена занялись женщиной, незнакомца же, мучимого раскаянием, отправили за врачом.

– Доктор прибыл лишь утром, и то, что он увидел, поставило его в тупик. Фермерша уложила раненую в постель; там она и лежала, по-прежнему без сознания, – посреди россыпи желтых цветов.

– Цветов?.. – переспросил Тео и поневоле обвел взглядом теплицу.

– Да. Они проклюнулись на ее одежде и даже на коже. Выросли на простынях! Уму непостижимо! Доктор осмотрел женщину. Он не смог сказать ничего определенного о ее состоянии, зато в кармане больной обнаружил нечто жизненно важное: письма, отправленные премьером Блаем. Это была Вещая по имени Златопрут... – Майлз покачал головой, глядя на свои потасканные башмаки. – Блай обратился к лучшим врачам Бостона, но что они могли сделать? Ее тело излечилось, но разум остается закрыт. Бедняжка так и не очнулась. – На лице землепроходца отражалась мучительная досада. – Блай окружил ее наилучшим уходом, но Вещая угасает.

[Купить полную версию книги](#)